DOI: 10.31860/978-5-918680-384-143-195

ТАТЬЯНА МАТВЕЕВНА ГЛАГОЛЕВА-БЕРХЕН И ЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ О БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСАХ

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Вострикова)

Аннотация: Воспоминания Татьяны Матвеевны Глаголевой (в замужестве Берхен) посвящены ее обучению (1901—1907) и последующему преподаванию (1907—1916) на С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсах. Автор рассказывает о преподавании на историко-филологическом отделении Бестужевских курсов, о профессорах, оказавших наиболее сильное влияние на нее как на молодого ученого, исследователя русской литературы XVIII века (в частности, С. Ф. Платонове, И. А. Шляпкине и в особенности В. В. Сиповском). Значительное внимание мемуаристка уделяет подробностям повседневной жизни Бестужевских курсов: переходу на предметную систему обучения, организации семинарских и просеминарских занятий, литературным вечерам и елкам для детей, экскурсиям, жизни в общежитии и пр. Во вступительной статье обобщены биографические сведения о Т. М. Глаголевой-Берхен и изложены обстоятельства написания воспоминаний и судьба архива автора.

Ключевые слова: Татьяна Матвеевна Глаголева-Берхен, Василий Васильевич Сиповский, С.-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, Антиох Кантемир, предметная система обучения, семинарий, просеминарий.

Abstract: The memoirs of Tatiana Matveevna Glagoleva (Berkhen by marriage) focus on her studies (1901—1907) and subsequent teaching (1907—1916) at the St. Petersburg Higher (Bestuzhev) Courses for Women. The author describes teaching in the Humanities Division of the Bestuzhev Courses and the professors who had the greatest influence on her as a young scholar of eighteenth-century Russian literature (Sergey Platonov and Ilya Shlyapkin in particular and especially Vasily Shipovsky). The author devotes considerable space to the details of everyday life at the Bestuzhev Courses: the transition from required courses to an elective system, the creation of seminars and proseminars, literary gatherings, Christmas parties for children, trips, dormitory life, etc. The introductory article presents biographical information about Glagoleva-Berkhen; it also lays out the circumstances under which she wrote her memoirs and recounts the fate of her archive.

Keywords: Tatiana Matveevna Glagoleva-Berkhen, Vasily Vasilievich Shipovsky, the St. Petersburg Higher (Bestuzhev) Courses for Women, Antioch Kantemir, elective system, seminar, proseminar.

© Вострикова А. В., 2023

Т. М. Глаголева-Берхен. Фото 1918 г. (РО ИРЛИ, ф. 723)

Татьяна Матвеевна Глаголева[1] родилась 9 янв. 1885 г. в Варшаве, в семье военного врача; Таня была младшей из 5 детей. Отец вскоре умер; семья в 1892 г. перебралась в С.-Петербург. После окончания

[1] Предварительный вариант этой статьи был представлен в качестве доклада на XXIII Научных чтениях Рукописного отдела Пушкинского Дома 23 октября 2019 г. См.: *Обатнина Е. Р.* XXIII Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома // Русская литература. 2020. № 2. С. 236. Биографические сведения о Т. М. Глаголевой в значительной степени почерпнуты из анкеты, заполненной ею 23 дек. 1959 г. для Московского объединения бестужевок и впоследствии приобщенной к ее архиву (РО ИРЛИ, ф. 723, папка 1 («Личные документы»); далее: *Глаголева. Анкета*), а также из публикуемых ниже автобиографии и воспоминаний; подробнее см. комментарии к этим публикациям. При ссылках на документы, принадлежащие архиву Т. М. Глаголевой-Берхен, находящемуся в настоящее время в обработке в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), мы указываем номера и названия папок, присвоенные им при описании в Комитете бестужевок перед передачей.

Василеостровской женской гимназии в 1901 г. Татьяна поступила на историко-филологическое отделение С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов (далее ВЖК); во время учебы специализировалась на русской истории, а затем на истории русской литературы, занималась под руководством профессоров К. А. Иванова, С. Ф. Платонова и В. В. Сиповского; последний стал для Глаголевой и учителем, и научным руководителем, и другом. Окончила ВЖК в 1907 г.: срок обучения затянулся из-за того, что в 1903-м, а затем в 1905 и 1906 гг. нормальная деятельность курсов прерывалась студенческими волнениями и революционными событиями.

Для подготовки реферата в семинарии В. В. Сиповского Глаголева избрала темой творчество А. Д. Кантемира. Закрытие курсов и приостановка занятий дали возможность развернуть студенческую работу в полноценное научное исследование; по рекомендации Сиповского Глаголева была допущена к работе в петербургских и московских архивах, где ей удалось обнаружить неопубликованные сочинения Кантемира и другие интересные материалы. В результате была написана статья «Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира», опубликованная в «Известиях Академии наук».[2] В дальнейшем она продолжила научные исследования и в течение последующих 10 лет опубликовала несколько статей о Кантемире, Ломоносове и др. В 1910-е гг. Глаголева воспринималась как один из ведущих специалистов по Кантемиру; показательно, что С. А. Венгеров, редактор «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона, статью о Кантемире заказал именно ей. Спустя почти полвека, уже после ее смерти, П. Н. Берков писал: «<...> Т. М. Глаголева оставила след в литературоведении, внеся в изучение Кантемира и Ломоносова небольшой по объему, но ценный по характеру вклад, дающий ей право на наше благодарное внимание».[3]

После окончания ВЖК в 1907 г. Т. М. Глаголева была оставлена при курсах, а в 1909 г. принята на службу преподавателем для ведения практических занятий: руководила просеминарием для первокурсниц, а затем семинариями, посвященными русской литературе XVIII в., а также творчеству А. Н. Островского, «поэтов-эстетиков» (А. А. Фет, А. Н. Майков и др.), эпистолярному наследию русских писателей и др. Кроме того, Глаголева принимала самое деятельное участие в культурной жизни курсов, в подготовке и проведении экскурсий, литературных концертов и праздничных вечеров.

В семье Татьяна самые близкие отношения поддерживала с братом Николаем, журналистом и книгоиздателем, а также инженером и ави-

---

[2] Подробнее о научных трудах Т. М. Глаголевой см. ниже в примеч. к «Автобиографии».

[3] *Берков П. Н.* Т. М. Глаголева, одна из первых исследовательниц русской литературы XVIII века. [Машинопись] // РО ИРЛИ, ф. 723, папка 1 («Личные документы»).

атором-любителем. Татьяна помогала ему в его издательстве (1904—1909), выступала в качестве официального издателя журнала «Вестник воздухоплавания», который он редактировал (1912—1914), участвовала в газете «День» (1913), а во время войны заведовала петроградской конторой издательства И. Д. Сытина. В 1916 г. Глаголева впервые выступила в печати и как поэтесса, но этот опыт оказался эпизодическим.[4]

В 1916 г. Т. М. Глаголева уволилась с Бестужевских курсов и вскоре уехала в Бердянск, где ее брат занял должность на авиамоторном заводе и устроил сестру в бухгалтерию.[5] В Бердянске в 1919 или 1920 г. Татьяна вышла замуж за инженера-авиаконструктора Семена Наумовича Берхена (?—1950); у них родилась дочь. Роды были тяжелые, у Татьяны произошло заражение крови, дочка погибла.

В 1922 г. супруги Берхен вернулись в Петроград. Татьяна попыталась возобновить научные занятия: опубликовала несколько рецензий в журнале «Печать и революция», а также выступила в Обществе любителей древней письменности с докладом «Феофан Прокопович и Антиох Кантемир».[6] Доклад этот, написанный еще в Бердянске в 1918 г., она переработала в статью, но распорядиться ею не успела.

В 1924 г. Татьяна снова пережила неудачные роды и гибель ребенка. Повторная трагедия тяжело отразилась на психике Глаголевой, она заболела, долго лечилась, в 1927—1928 гг. лежала в психиатрической больнице.[7] В 1928 г. семья переехала в Москву. С. Н. Берхен за-

[4] Глаголева писала стихи с ранней юности: самые ранние из сохранившихся стихотворений датированы 1898 г. В феврале 1916 г. она послала несколько своих стихотворений А. А. Блоку с просьбой высказать мнение (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 217, л. 1—2; на письме помета: «отв. 24.II»; мы благодарны Александру Львовичу Соболеву за сообщение нам этих, а также ряда других ценных сведений). Ответ был, вероятно, по крайней мере ободряющий, и в течение последующего года Глаголева напечатала несколько стихотворений в петроградских журналах «Лукоморье» и «Русская будущность», однако на этом ее поэтические публикации прекратились. В дальнейшем она продолжала писать стихи до конца жизни: в архиве сохранились четыре общие тетради с перебеленными в хронологическом порядке стихотворениями (с перерывом с 1945 по 1957 г.); последнее датировано 4 февр. 1960 г. О поэтическом творчестве Т. М. Глаголевой, а также о ее литературно-критических публикациях см.: Венеция в русской поэзии: опыт антологии, 1888—1972 / сост. А. Л. Соболев, Р. Д. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 608—611; там же (с. 231) опубликовано стихотворение Т. М. Глаголевой «В Венеции» (1913).

[5] «Старший помощник бухгалтера в конторе воздухоплавательного завода “Майпас” в г. Бердянске» (*Глаголева. Анкета*). Очевидно, имеется в виду авиастроительный завод Матиаса («Вдова Матиас и сыновья»), работавший в Бердянске в 1917—1919 гг. См.: История отечественной авиапромышленности: серийное самолетостроение 1910—2010 гг. М.: Русавиа, 2011. С. 26, 58, 69.

[6] См.: Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917—1923 годы. Л.: ОЛДП, 1925. С. 4.

[7] См. в письме ее сестры А. М. Глаголевой к Н. А. Морозову от 11 февр. 1927 г.: «У меня есть сестра, Татьяна Матвеевна, которая, к сожалению, после родов забо-

нял должность в Гипроавиа, а затем профессорскую кафедру в МАИ. Татьяна Матвеевна нигде не служила, первое время пыталась продолжить научную деятельность, собирала материалы для статей по современной рабочей женской поэзии (многочисленные выписки, конспекты и черновики составляют около трети сохранившегося архива), однако «усвоить современной манеры и стиля, вроде “неполадки”, “на ять”, “бузить” и т. п.» и «установить связи с московской ученой братией» ей так и не удалось, и в 1933 г. она призналась, что на литературные дела «махнула рукой».[8] Новых друзей Глаголева не завела, из старых переписывалась только с М. С. Боровковой-Майковой[9] и (изредка) с Г. К. Крыжицким.[10] В 1933 г. умерла мать, О. И. Глаголева; в 1937 г. был арестован и через год погиб в лагере брат Николай.[11] Во время войны Глаголева была в эвакуации без мужа (видимо, занятого на производстве), и ее стихотворения того времени в основном посвящены теме подавляющего одиночества.

лела психически и вот уже 3-ий год не может поправиться. Она находится в больнице Фореля за городом <...>» (АРАН, ф. 543, оп. 6, ед. хр. 149, л. 5—6). Первая в России специализированная психиатрическая больница Всех Скорбящих была открыта в 1832 г., размещалась в выкупленных и переоборудованных дачах на 11-й версте по Петергофской дороге (современный адрес главного здания: пр. Стачек, д. 158). После революции 1917 г. больнице было присвоено имя швейцарского психиатра Огюста Фореля (1848—1931). Во время Великой Отечественной войны больница была ликвидирована, здания в значительной степени разрушены; после войны сохранившиеся и восстановленные корпуса образовали так называемый «Кировский городок».

[8] Выражения из писем к М. С. Боровковой-Майковой конца 1920-х — первой половины 1930-х гг. (СПбФ АРАН, ф. 738, оп. 4, ед. хр. 4, л. 34 об., 42, 78).

[9] *Боровкова-Майкова Мария Семеновна* (1879—1942) — выпускница ВЖК (1904; ист.-фил.), историк, автор работ о Ниле Сорском, после революции — о литературе и общественной мысли первой половины XIX в. Здесь и далее в биографических справках о слушательницах ВЖК указываются год выпуска, отделение (факультет) и группа (для окончивших по предметной системе); сведения взяты из опубликованных списков выпускниц: Бестужевка в цифрах = Bestuževki en chiffers: к 130-летнему юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878—1918 гг.) / сост. О. Б. Вахромеева. СПб.: ИЦ «Академия», 2008 (далее: *Бестужевка в цифрах*); при необходимости сверены по ежегодным отчетам ВЖК: С.-Петербургские высшие женские курсы за... СПб., 1879—1916 (до 1906 г. выходило под заглавием: Общество для доставления средств ВЖК. Отчет за...; далее при цитировании: *Отчет ВЖК* с указанием отчетного учебного года и года издания).

[10] *Крыжицкий Георгий Константинович* (1895—1975) — режиссер и театровед; обстоятельства их знакомства с Т. М. Глаголевой неизвестны.

[11] Двое старших братьев окончили военные училища и служили в армии. *Федор* (1875—1927) — полковник артиллерии, в 1915 г. попал в плен, в 1919 г. освобожден, умер в Югославии (см.: *Чуваков В. Н.* Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи, 1917—1997. М.: РГБ, 1999. Т. 2. С. 108); *Иван* (1878—?) закончил Мировую войну полковником, затем служил в Вооруженных силах Юга России; в октябре 1920 г. командир 1-го Донского запасного батальона (указано на сайте С. В. Волкова); дальнейшая его судьба неизвестна.

Т. М. Глаголева и Г. К. Крыжицкий.
Фото середины 1950-х гг. (РО ИРЛИ, ф. 723)

В 1950 г. от инфаркта умер С. Н. Берхен. Пенсии по утрате кормильца[12] едва хватало на жизнь, поэтому с ранней весны до поздней осени Татьяна Матвеевна переходила на подножный корм, т. е. уезжала из профессорской квартиры на Сретенке — на дачу (она это называла: «перебралась в хату»),[13] половину которой стала сдавать жильцам; выращивала овощи на пропитание и цветы на радость душе. Круг общения сузился до минимума: в Москве — пасынок[14] и одинокая старшая сестра Александра (умерла в 1954 г.), на даче — собаки, которых любила как людей. А вечерами Татьяна Матвеевна, по ее признанию чуть ли не единственной своей корреспондентке того времени,

[12] «Пенсия научного работника за мужа 700 р.» (*Глаголева. Анкета*).

[13] В письмах к Т. И. Немчиновой (см. ниже) упоминается название: «42-й километр». Можно предположить, что имеется в виду платформа «42-й километр» (с 2020 г. «Есенинская») Рязанского направления Московской железной дороги, находящаяся на границе г. Раменское и пос. Кратово. Возле платформы располагается дачное товарищество «Научные работники», образованное в середине 1930-х гг.

[14] *Берхен Сергей Семенович*, «сын, вернее пасынок Глаголевой» назван в письме члена Московского бюро бестужевок А. И. Эттингер к К. П. Язевой от 4 марта 1962 г. (РО ИРЛИ, папка 5 («Материалы о ВЖК»)). Кроме того, Сережа, сын С. Н. Берхена, студент технического вуза, регулярно навещающий Глаголеву, упоминается в ее письмах к Т. И. Немчиновой 1950-х гг. (см. ниже). Другими сведениями о С. С. Берхене мы не располагаем.

бывшей старосте первого бестужевского просеминария Т. И. Немчиновой,[15] перебирала перевезенный на дачу архив, перечитывала дневники, которые вела с ранней юности, — и сжигала после прочтения.[16]

Вероятно, именно через Немчинову Глаголева связалась с Московским объединением бестужевок. Объединения выпускниц ВЖК в Москве и Ленинграде стали формироваться в конце 1950-х гг. 21 марта 1959 г. в Ленинградском университете состоялось торжественное собрание, посвященное 80-летию ВЖК; на нем был сформирован комитет под руководством Н. П. Вревской. Тогда же было образовано Московское объединение бестужевок во главе с С. И. Стриевской, работавшее в полном контакте с ленинградским комитетом.[17] Одной из важнейших задач, поставленных перед ленинградским комитетом и московским бюро (руководившим деятельностью объединения), была подготовка сборника, посвященного истории Бестужевских курсов. Глаголева с воодушевлением восприняла приглашение принять участие в работе объединения и написала развернутую автобиографию и два текста для будущего сборника.[18] Однако написанные Глаголевой воспоминания не устроили редакционную комиссию по целому ряду причин.

---

[15] *Немчинова Татьяна Иеронимовна* (урожд. Ясинская; 1890—1974) — дочь И. И. Ясинского; с 1909 г. была слушательницей ВЖК (ист.-фил.), а затем Высших женских историко-филологических курсов В. А. Полторацкой; с 1914 г. жена революционера и деятеля высшего образования Ивана Васильевича Егорова (1887—1971); журналист, политработник (в Красной армии), музейный работник; с 1931 г. библиотекарь, с 1932 по 1934 г. зав. библиотекой Пушкинского Дома; персональный пенсионер союзного значения с 1951 г. См.: Пушкинский Дом: материалы к истории, 1905—2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 494; Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: биографический словарь. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=666 (дата обращения: 05.11.2023) (статья О. Е. Кургановой, Г. В. Михеевой). Письма Т. М. Глаголевой-Берхен к Т. И. Немчиновой за 1950—1961 гг. см.: ОР РНБ, ф. 273, ед. хр. 294 (далее: *Письма к Немчиновой*).

[16] Ср.: «<...> вечером — читаю вообще, а в частности “роман моей жизни”, т. е. перечитываю свои дневники за много лет: кое-что ликвидирую, кое-что пока оставляю, но много думаю в связи с этим, переоцениваю <?> свой жизненный путь. Результаты не мрачные, но очень трезвые; отсюда и спокойный прогноз на будущее о невозможности каких бы то ни было реальных путей активной работы вне моей “монастырской кельи”. Приятелей и друзей у меня никаких не водится (это ответ на твой вопрос) — имеются только в ограниченном числе добрые знакомые: старых не осталось на свете больше никого, кроме Крыжицкого, а вновь дружиться с людьми...» (*Письма к Немчиновой,* л. 44—44 об.).

[17] Подробнее см.: *Вахромеева О. Б.* Их дань Бестужевским курсам: (объединенная деятельность бывших бестужевок в 50—70-е годы XX века). СПб.: Лема, 2015.

[18] Ср.: «<...> пишу воспоминания <...> — быть в роли Пимена не так уж, оказывается, просто — нет еще холодного бесстрастия. <...> напишу, а потом среди ночи просыпаюсь оттого, что в мозгу теснится столько людей и фактов — просто жуть берет, и все переживаешь вновь. “И много лиц, и много встреч”» (*Письма к Немчиновой*. Л. 51—51 об.; письмо от 23 янв. 1960 г. Цитата — из стихотворения В. В. Гофмана «Летний бал», 1905).

Т. М. Глаголева-Берхен. Фото середины 1950-х гг.
(РО ИРЛИ, ф. 723)

Во-первых, редакционные комиссии ориентировались преимущественно на жанр объективированного тематического «очерка преподавания», подразумевавшего хронологическую полноту, опору на устоявшиеся репутации и оценки, обращение к печатным и архивным источникам. Именно такие очерки впоследствии составили больше

половины объема сборника.[19] По-видимому, и перед Глаголевой была поставлена задача написать в целом о преподавании в группе русской филологии. Однако она, опираясь только на дневники и собственную память, охотно и подробно писала о том, с чем сталкивалась непосредственно, что видела собственными глазами или в чем лично участвовала, а во всем прочем ограничивалась перечислением имен и названий курсов, да и то подчас с ошибками.

Во-вторых, воспоминания Глаголевой не подходили и в качестве «воспоминаний о любимом педагоге» (второй по популярности жанр): рассказ непосредственно об учебе и научной работе под руководством В. В. Сиповского показался недостаточно цельным и выразительным, а сама его фигура была давно вытеснена на периферию истории отечественной науки.[20]

Но, в-третьих, самым главным недостатком воспоминаний Т. М. Глаголевой оказалось их общее (в первую очередь, идеологическое) несоответствие духу работы бестужевских ветеранских организаций. Увековечение памяти о ВЖК подразумевало встраивание бестужевской истории в историю русской жизни, точнее, в сложившуюся концепцию освободительной борьбы против царизма. Курсистки должны были занять свое место в рядах революционного студенчества. Составленный С. И. Стриевской очерк «Участие бестужевок в революционном движении» впоследствии оказался самым объемным и подробным и в сборнике был размещен перед обзорами учебного процесса. Показательно и содержание мемориальной доски, установления которой на здании Бестужевских курсов на 10-й линии Васильевского Острова настойчиво добивались ветераны: «Здесь с 1885 г. по 1918 г. помещались Высшие женские (Бестужевские) курсы, на которых учились Н. К. Крупская, А. И. Ульянова, О. И. Ульянова, К. Н. Самойлова, П. Ф. Куделли, Л. А. Фотиева и другие видные участницы революционного движения в России».[21] Глаголева и во время учебы, и во время преподавания на курсах была далека от политической

---

[19] Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878—1918 гг.): сб. статей / под общ. ред. проф. С. Н. Валка [и др.]. Л.: ЛГУ, 1965; Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, 1878—1918: сб. статей / под общ. ред. проф. С. Н. Валка [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Л.: ЛГУ, 1973 (далее: *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.*).

[20] Впрочем, отбор персонально выделенных преподавателей происходил достаточно случайно. Так, из филологов именными портретами в сборнике оказались отмечены только Н. К. Пиксанов, С. А. Венгеров и Д. Н. Овсянико-Куликовский, а, например, об А. Н. Веселовском и И. А. Шляпкине было сказано только в общих обзорах.

[21] Доска была установлена в 1966 г. Отметим, что на ней не нашлось места не только для ученых и деятелей культуры, но и для казненных революционерок А. К. Венедиктовой, А. М. Мамаевой, Л. А. Стуре, А. М. Шулятиковой, и даже для М. Ф. Ветровой, чье самоубийство в Петропавловской крепости в 1897 г. послужило причиной самых масштабных студенческих волнений в стране. В рамках насто-

жизни и по своей позиции стояла гораздо ближе к «реакционным» академисткам, чем к революционному активу.[22] В 1905 г. она занималась архивными исследованиями, в 1917 г. устраивала личную жизнь в глухой провинции, и все свое участие в революционном движении исчерпала рассказом о нелегальных традициях семьи да случайным знакомством с В. Д. Бонч-Бруевичем.

Более того, воспоминания Глаголевой были написаны человеком, почти полвека сторонившимся общественной жизни, не усвоившим, согласно приведенному выше признанию, «современной манеры и стиля», не обучившимся приемам советской исторической публицистики, в которой частные наблюдения или воспоминания имеют право на существование только в качестве иллюстраций для теоретических положений классиков марксизма.

Присланные тексты были прочитаны составителями и редакторами, обсуждены и возвращены Глаголевой с приложением высказанных замечаний:

> «1. То, что интересно, есть в ряде других статей. Очень слабо по языку.
> 2. Ненужные анекдоты из жизни ученых. Хаотические подробности <?>.
> 3. Неправильные оценки <...> о Сиповском, <...> о Шляпкине (противоречит тому, что говорится о его лекциях в других статьях). Недостаточная характеристика Шляпкина как ученого.
> 4. Много чисто автобиографического материала, не представляющего интереса (с. 10 и др.).
> Статью надо ОЧЕНЬ сократить, ИСПРАВИТЬ ЯЗЫК».[23]

Весьма вероятно, что Глаголева была готова внести необходимые сокращения и изменения, и в конечном счете ее воспоминания в том или ином виде были бы включены в сборник. Однако в это время ее самочувствие ухудшилось, и в январе 1962 г. Татьяна Матвеевна Глаголева-Берхен умерла.

После смерти Глаголевой Московское бюро предприняло шаги, чтобы получить в свое распоряжение ее архив (сбор архивов бестужевок был одним из направлений деятельности организации). Кроме того, заинтересованность в материалах Глаголевой проявил П. Н. Берков (узнавший о ее смерти, возможно, от Н. К. Пиксанова): он ознако-

---

ящей статьи мы не касаемся взаимоотношений ветеранских объединений бестужевок с курировавшими их работу советскими и партийными органами.

[22] В этом смысле показательны совпадения воспоминаний Т. М. Глаголевой с мемуарными очерками К. М. Милорадович (как раз деятельной участницы Академического союза слушательниц ВЖК), написанными в середине 1930-х гг. и выявленными совсем недавно. См.: *Милорадович К. М.* У меня есть моя истина...: избранное / сост. Н. Х. Орловой; коммент. Н. Х. Орловой, А. В. Вострикова. СПб.: Парадигма, 2020.

[23] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 5 («Материалы о ВЖК»); выделено в тексте.

мился с ее автобиографией и приложенным к нему списком трудов и составил для бюро справку под заглавием «Т. М. Глаголева, одна из первых исследовательниц русской литературы XVIII века».[24] Подчеркивая научную ценность ее работ (в особенности хорошо ему знакомых дореволюционных статей), Берков, по-видимому, надеялся, что архив, или по крайней мере его научная часть, будет препровожден в ИРЛИ, где он заведовал Сектором по изучению русской литературы XVIII века.

В апреле 1962 г. архив Т. М. Глаголевой оказался в распоряжении Московского объединения бестужевок, однако последующая его разборка заняла годы. Тем временем была подготовлена выставка, посвященная Бестужевским курсам; в 1961 г. она открылась в МГУ, а затем переехала в Ленинград (весной 1962 г. в ЛГУ, а в 1963 г. — в Музее истории города); редакционные комиссии были заняты подготовкой сразу нескольких книг: в 1965 г. вышло первое издание названного выше сборника статей и воспоминаний, а затем библиографический указатель «Высшие женские (Бестужевские) курсы» (М.: Книга, 1966) и сборник «Бестужевки в рядах строителей социализма» (М.: Мысль, 1969); в Ленинграде заметным культурным событием стало открытие мемориальной доски (1966). Было принято решение об аккумуляции всех бестужевских материалов в ЛГУ, в Музее истории университета, и все московские собрания были перевезены в Ленинград.

Деятельницы Московского бюро и Ленинградского комитета, разбиравшие архив Глаголевой, были уже немолоды, часто болели, и работа переходила из одних рук в другие; новичкам требовалось время, чтобы вникнуть в материал, а потом не хотелось с этим материалом расставаться. В архиве сохранились три описи, сделанные разными людьми. К одной из них, составленной М. А. Шильниковой в апреле 1968 г., была приложена сопроводительная записка:

> «Посылая оставшиеся материалы из архива Т. М. Глаголевой, хочу сказать, что при желании (и силах) кто-либо из бестужевок мог бы написать статью о духовном облике бестужевки по ее архиву.
>
> Что особенно примечательно: удивительная целенаправленность в работе, в достижении намеченного пути ученого или в стремлении с детских лет стать ученым (по всему архиву в целом). Аккуратное, бережное отношение ко всем документам от гимназических лет, все свидетельства отличных успехов, рабочие тетради, дневники, альбомы, тетради стихов, все черновики научных работ, записи прочитанных книг по годам — все это при внимательном, неторопливом подборе могло бы дать поучительную картину духовной работы хорошей русской женщины, ее образцового трудолюбия, нравственной чистоты и аккуратности во всем.
>
> Чего стоит одна запись прочитанных книг! В последней папке есть запись прочитанных книг за 1928—32 годы. Интересно бы знать, многие ли

[24] Справка впоследствии была приобщена к архиву Глаголевой: РО ИРЛИ, ф. 723, папка 1 («Личные документы»).

ученые могут похвалиться такой богатой эрудицией, как Т. М. Глаголева! Вот поэтому я считаю, что архивы Т. М. Глаголевой надо сохранить для кого-либо из внимательных и дружественно настроенных исследователей истории ПВЖК.

Болезнь мешает мне заняться этим, а материал интересный и, как говорят, — стоит, чтобы над ним поработать».[25]

И все же в феврале 1972 г. состоялись переговоры между руководителями Комитета бестужевок (К. П. Язевой, Ж. А. Мацулевич и др.), с одной стороны, и представителями Рукописного отдела Пушкинского Дома М. И. Маловой и Л. П. Архиповой, с другой, и 29 февр. 1972 г. архив Т. М. Глаголевой, «состоящий из рукописей ее стихотворений, работ по истории русской литературы XVIII—XIX вв. и материалов к ним, писем к ней разных лиц, биографических материалов и пр.», поступил в Рукописный отдел и был зарегистрирован в книге поступлений за № 48 с присвоением фонду номера 723.[26] А в мае 1974 г. Комитет бестужевок в окончательном протоколе отчитался: «дело Т. М. Глаголевой по просьбе члена-корреспондента Беркова передано в Пушкинский Дом для работы».[27]

За то время, когда бестужевки обрабатывали, перевозили и передавали архив Глаголевой, скончались и запрашивавший его П. Н. Берков, и хорошо помнивший Глаголеву Н. К. Пиксанов (оба в 1969 г.). Ее незаконченные работы и неопубликованные материалы не привлекли внимание исследователей, и фонд 723 так и не был востребован.

Невостребованными оказались и воспоминания Глаголевой о ВЖК. Они не были использованы ни в первом, ни во втором, дополненном издании сборника статей о курсах, хотя ее имя было названо и в списке слушательниц, занимавшихся научной работой, и в списке выпускниц-преподавателей.[28] Тексты, отвергнутые редакционными комиссиями, не были скопированы для Фонда ВЖК и не попали в поле зрения последующих исследователей бестужевской истории.[29]

За прошедшие полвека вышло немало работ, посвященных истории Бестужевских курсов, судьбам отдельных преподавателей и вы-

---

[25] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 1 («Личные документы»).

[26] См.: *Архипова Л. П.* Обзор архивных материалов XIX—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы за 1972—1973 гг.: новые фонды // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 90—91.

[27] Музей истории СПбГУ. Фонд ВЖК.

[28] См.: *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 106—107.

[29] См.: *Вахромеева О. Б.* Университетский музей в СПбГУ как хранитель памяти о Бестужевских курсах // Вопросы музеологии. 2016. № 2 (14). С. 77. В статье фонд Глаголевой представлен как научный архив бывшей слушательницы и преподавательницы, в полном объеме переданный в «профильное учреждение», т. е. «Институт русской литературы и искусства» (так!); о материалах по истории ВЖК не упомянуто.

пускниц. Изменилось наше отношение к этой истории: теперь нам хочется, чтобы строгие хронология и систематика были наполнены (или по крайней мере дополнены) живыми описаниями и деталями, не искаженными идеологическими стереотипами. Именно таким наполнением (или дополнением) могут послужить воспоминания Т. М. Глаголевой. Сейчас нам легко быть снисходительными к очевидным недостаткам текста, к неровностям стиля и фактическим ошибкам, и на первый план выходят достоинства. Основанные на дневниковых записях автора, воспоминания сохранили неповторимые аутентичные детали бестужевской жизни, жаргонные словечки и прозвища, слышанные от профессоров истории, и легенды курсовой жизни, те самые «ненужные анекдоты», которые, по мнению строгих редакторов, подлежали устранению. Беллетризованная, немного архаичная (не только для нас, но и для 1950-х гг.) импрессионистическая манера Глаголевой отразила ее желание не столько изложить события и факты, сколько передать настроение, особый бестужевский дух, к которому она в свое время была причастна на протяжении 15 лет, сначала как слушательница, и затем как преподаватель. Глаголева как будто перенеслась в те лучшие годы своей жизни, когда она была востребованным исследователем и педагогом, и ее воспоминания в не меньшей степени, чем ее статьи, заслуживают нашего благодарного внимания.

Автобиография[1]

Я поступила на ВЖК в 1901 г. после окончания Василеостровской женской гимназии в СПБ.

Родилась в г. Варшаве. Мой отец был старшим врачом Уяздовского военного госпиталя. Отец умер, когда мне было всего 2½ года, так что детство и юность прошли всецело под влиянием матери — человека очень чуткого, интеллигентного и либерального.[2]

Когда моя старшая сестра,[3] окончив гимназию, решила поступить на Бестужевские курсы, мы в 1892 г. переехали в СПБ, где я позднее и училась в гимназии.

Переход от гимназии к Курсам был для меня само собой разумеющимся продолжением образования, тем более что Курсы были близки с детства: моя мать, чтобы приработать на семью к пенсии, давала домашние обеды курсисткам. Наша столовая частенько (особенно во время студенческих волнений) превращалась в своеобразный клуб: спорили, горячились, выявлялись различные точки зрения. Хорошо запомнились мне (тогда 13-летней девочке) характерные споры между юными общественницами и О. А. Добиаш[4] — впоследствии видным ученым — профессором наших курсов, магистром истории, уже в студенческие годы убежденным человеком науки.

Атмосфера нашей семьи была насыщена политикой: «сидели» в Предварилке[5] то брат, то сестра; мне были хорошо знакомы обыски, прятание нелегальщины, поездки с передачами в Предварилку — все это стало настолько привычным и даже будничным, что Курсы привлекали, главным образом, не общественной жизнью, а интересами науки.

Я поступила на историко-филологический факультет: склонность к литературе проявлялась еще в детстве, а в последнем классе гимназии я довольно серьезно для моего возраста занималась по русской истории, писала с одобрения учителя (автора учебника по русской истории К. В. Елпатьевского)[6] сочинения, для которых приходилось посещать даже Публичную библиотеку.

Немудрено, что, поступив на Курсы, я подпала под обаяние лекций проф. С. Ф. Платонова, нашего большого ученого и изумительного лектора, и слушала его везде, где только могла: на своем I курсе, на IV курсе, на практических занятиях.[7] В практических его занятиях я, как первокурсница, участвовать не имела права, а так как хотелось не только слушать, но и самой работать, — я стала заниматься у К. А. Иванова по истории Греции, написала реферат.[8]

Перейдя на II курс, получила возможность работать у Сергея Федоровича: группа наша, участвовавшая в практических занятиях, была серьезная и слаженная. Слушательница М. А. Островская впоследствии была оставлена при кафедре русской истории, защитила диссертацию на степень магистра, но психическая болезнь прекратила ее дальнейшую научную деятельность.[9] Очень много давал нам Сергей Федорович критическим обсуждением наших рефератов и помогал ценными указаниями, так что когда я на III курсе переменила специальность — перешла работать у проф. В. В. Сиповского[10] по русской литературе, то определенно чувствовала, какой нужный фундамент для исследовательской работы дало мне руководство С. Ф. Платонова.

С 1904 г. я работала по XVIII веку уже не в рамках курсовой учебы: занималась в различных архивах исследованием литературной деятельности А. Д. Кантемира, результатом чего явилась моя первая напечатанная статья (Изв<естия> Ак<адемии> Н<аук> 1906 г.): «Материалы для полного собрания сочинений А. Д. Кантемира».[11]

Перейдя на предметную систему как более углублявшую знания (моему курсу можно было оканчивать Курсы еще по старой системе преподавания),[12] я закончила Курсы в 1907 году, была оставлена при кафедре русской литературы[13] и организовала — с согласия В. В. Сиповского — необязательный просеминарий для начинающих (почему-то программой вначале не предусмотренный). В 1908 году он был мне поручен уже факультетом, как оплачиваемый, а в 1909 г. я была назначена постоянной преподавательницей по кафедре новой русской литературы, вела и просеминарий и семинарий.[14]

В 1907—1913 гг. я вела еще практические занятия на курсах Н. П. Раева (б<ывшего> директора ВЖК).[15] В 1913 г. занятия по русской литературе на этих курсах были отменены.

Научная и литературная деятельность за эти годы выразилась в продолжении работы над Кантемиром, в работах о Ломоносове; в ряде небольших статей и рецензий в 1912—13 гг. в газете «День».[16]

Летом 1913 года побывала за границей; цель моей поездки была Италия — знакомство на местах с памятниками итальянского искусства: еще будучи на I курсе, я с большим интересом слушала лекции проф. А. В. Прахова по истории искусств.[17]

Для увеличения своего заработка, а отчасти для души, я еще курсисткой заведовала агентурным отделом в издательстве моего брата:[18] там доводилось встречаться с интересными людьми. Так, например, частенько захаживал к нам в издательство В. Д. Бонч-Бруевич, возглавлявший издательство «Наука и знание».[19] Во время войны была заведующей конторой книгоиздательства И. Д. Сытина — Петроградского отделения.[20]

В 1916 г. я по личным причинам оставила Курсы и после февральской революции стала лектором Василеостровской районной Думы, выступая с лекциями в различных клубах.

В основном сотрудничала в «Литературной энциклопедии»[21] до самого ее прекращения, отчасти в «Мал<ой> Сов<етской> энциклопедии»;[22] позднее, в 1951 г., в «Большой Советской Энциклопедии».[23]

В 1944 г. было столетие со дня смерти А. Д. Кантемира; прочитала доклад о его дипломатической деятельности; дала небольшую статейку в Информбюро, но ничем существенным в научной области этот период моей жизни не ознаменован.

Затем большое удовлетворение доставило мне издание в «Библиотеке поэта» стихотворений Ант. Кантемира (под ред. П. Н. Беркова, Л-д, 1957): в нем напечатаны все найденные некогда мной стихотворения и переводы Кантемира, учтены мои поправки и замечания, — словом, спустя 55 лет работа, проделанная юной бестужевкой, выдержав испытание временем, оказалась пригодной и в наши советские дни.[24]

Декабрь 1960 г.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 1 («Личные документы»). Машинопись (не 1-й экземпляр).

[2] *Глаголев Матвей Федорович* (1828—1887) — из духовного сословия; получил образование в духовной семинарии, а затем в Московском университете, последние годы состоял на должности врача 6-го армейского корпуса (Варшавский военный округ); действительный статский советник (1879). Жена (с 1872 г.) — Ольга Ивановна, урожд. Нелидова, дочь генерал-лейтенанта. См.: Русский биографический словарь / изд. Имп. Рус. ист. о-ва. М.: тип. Имп. Академии наук, 1916. Т. [5]:

Герберский — Гогенлоэ. С. 243 (статья О. Жуковой); *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи: краткий словарь. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. С. 167). В семье было 5 детей: Александра (1873—1954), Федор (1875—1927), Иван (1878—?), Николай (1880—1938), Татьяна.

[3] *Глаголева Александра Матвеевна* (1873—1954) — выпускница ВЖК (1896; ист.-фил.); общественная деятельница (преимущественно в области женского движения), фольклористка, литератор.

[4] *Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна* (1874—1939) — выпускница ВЖК (1899; ист.-фил.); впоследствии преп. ВЖК (1907) и С.-Петербургского университета (1915); магистр всеобщей истории (1915); член-корр. АН (1929). Здесь и далее в справках об упомянутых преподавателях мы приводим сведения только о работе на ВЖК и в С.-Петербургском университете. Сведения даются по изд.: *Вахромеева О. Б.* Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878—1918): со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: к 140-летию Бестужевских курсов. М.: РОССПЭН, 2018 (далее: *Вахромеева. Преподавание наук...*), с уточнением в отдельных случаях по отчетам ВЖК, а также по электронному «Словарю профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819—1917)» на портале «Биографика СПбГУ». URL: https://bioslovhist.spbu.ru/university.html (дата обращения: 06.11.2023).

[5] «*Предварилка*» — Дом предварительного заключения, первая в России специальная тюрьма для содержания подследственных; располагалась на Шпалерной ул., д. 25.

[6] *Елпатьевский Константин Васильевич* (1854—1918) — историк, педагог, литератор; был инспектором С.-Петербургской Василеостровской женской гимназии, где училась Т. М. Глаголева, а также преподавал в ней историю; автор изд.: «Учебник русской истории: с приложением родословных и хронологических таблиц и указателем личных имен» (в 2 ч.; СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1888—1889; 14-е изд.: 1915).

[7] *Платонов Сергей Федорович* (1860—1933) — историк, преп. ВЖК (1883) и С.-Петербургского университета (1888); директор Женского педагогического института (с 1903 г.); член-корр. АН (1909), академик (1920).

[8] *Иванов Константин Алексеевич* (1858—1919) — историк и филолог-классик, педагог, переводчик; преп. ВЖК (1897—1902). На ВЖК читал курс лекций и вел практические занятия для 1-го курса по истории Греции. См. о нем: *Гете И. В.* Фауст / впервые в пер. Константина Иванова [...]. СПб.: Имена, 2005. С. 7—14, 588—636.

[9] *Островская Мария Андреевна* (1884 — не ранее 1927) — племянница драматурга; выпускница ВЖК (1906; ист.-фил.), первая женщина — магистр русской истории (диспут 16 марта 1914 г.), первая женщина — приват-доцент С.-Петербургского университета (с осени 1914 г.). Память подвела Глаголеву: С. Ф. Платонов не оставлял Островскую при курсах и отказал ей в руководстве при написании магистерской диссертации (руководителем Островской стала А. Я. Ефименко). Осенью 1925 г. у М. А. Островской было выявлено психическое заболевание («психическое расстройство на почве тяжелых переживаний»), она лечилась в психиатрической клинике им. И. М. Балинского; осенью 1927 г. признана недееспособной; обстоятельства смерти (вероятно, не позднее 1929 г.) неизвестны. См.: *Востриков А. В.*, *Панченко Е. З.* Историк Мария Андреевна Островская // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3 (31). С. 191—209.

[10] *Сиповский Василий Васильевич* (1872—1930) — историк литературы; преп. ВЖК (1902) и С.-Петербургского университета (1902); впоследствии член-корр. АН (1921).

[11] Научные занятия потребовали от Глаголевой поездки в Москву, к которой она серьезно готовилась. 1 апр. 1905 г. она писала И. А. Шляпкину: «Многоуважаемый Илья Александрович! Василий Вас<ильевич> Сиповский говорил мне, что у Вас великолепная коллекция указателей. Вследствие того, что я работаю над сатирами Кантемира и еду в скором времени в Москву ради этой работы, — мне крайне необходимо собрать точные указания относительно рукописей Кантемира. Поэтому очень прошу Вас, будьте добры назначить мне день, когда я могу приехать к Вам на 2 часа, — только собрать необходимые справки. Буду очень благодарна за разрешение воспользоваться Вашей коллекцией» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 1087, л. 2—3). Впоследствии В. В. Сиповский предоставил сведения о работе Глаголевой для включения в ежегодный отчет ВЖК: «Под руководством проф. Сиповского слушательница III курса Т. М. Глаголева, изучающая жизнь и творчество Антиоха Кантемира, работала по рукописям в Имп. Публичной Библиотеке, в Имп. Академии Наук, в О<бщест>ве люб<ителей> древн<ей> письменности, — на свой счет ездила в Москву и в имение гр. Уваровой, чтобы заниматься в тамошних архивах. Ей удалось найти несколько интересных неизданных рукописей сочинений Ант. Кантемира» (*Отчет ВЖК 1905—1906. СПб., 1907*. С. 69—70). Кроме названных архивов, Глаголева работала с рукописями, хранившимися в С.-Петербургской духовной академии и Обществе любителей древней письменности; в Москве — в Румянцевском Музее, Московском архиве Министерства иностранных дел и Московском историческом музее; а также в собрании графа А. С. Уварова, хранившемся его вдовой П. С. Уваровой в подмосковном имении Поречье. Упомянутая статья: *Глаголева Т. М*. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1906. Т. XI, кн. 1. С. 177—217; Кн. 2. С. 98—143; также отд. отт.: СПб., 1906. 86 с.

[12] С 1906 г. на ВЖК была введена предметная система обучения (вместо существовавшей ранее курсовой): были отменены переводные (с курса на курс) экзамены, установлены на каждом факультете группы наук (на ист.-фил. первоначально: философия, германская, романская и русская филология, всеобщая и русская история; впоследствии количество групп было расширено); для каждой группы был установлены обязательные общие курсы, а также специальные отделы (курсы); из числа последних каждая слушательница могла выбирать по собственному усмотрению; аналогично устанавливались и практические занятия; слушательницы могли сдавать экзамены в течение всего семестра; для получения свидетельства об окончании слушательница должна была сдать (в произвольном порядке) все обязательные курсы и установленное количество специальных отделов. Организационная перестройка в соединении с приглашением широкого круга преподавателей и значительного увеличения читаемых курсов должна была обеспечить специализацию обучения и углубленное освоение избранной специальности («группы») на научной основе. См.: *Быкова Т. А*. История преподавания на историко-филологическом факультете // *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 82—84; Наша дань Бестужевским курсам: воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж: изд. «Объединения б. бестужевок за рубежом», 1971. С. 40—41, 144—145 (далее: *Наша дань*); см. также: *Вахромеева. Преподавание наук...* С. 280—281. Т. М. Глаголева пишет, что перешла на предметную систему; ниже, в «Воспоминаниях преподавателя ВЖК», она еще более определенно высказалась, что окончила курсы в 1907 г. «первая и единственная в тот год по предметной системе». Однако и в ежегодном отчете (см.: *Отчет ВЖК 1906—1907. СПб., 1908*. С. 60), и в списках выпускниц (см.: *Бестужевка в цифрах*. С. 138) Глаголева, как и все другие выпускницы 1907 г., обозначена как окончившая курсы по курсовой системе. Право вы-

бора системы, по какой закончить обучение, было предоставлено слушательницам 1902 и 1903 г. поступления.

[13] Практика оставления особенно успешных в научных занятиях выпускниц при кафедрах была введена на ВЖК по аналогии с университетом и другими вузами. В университете целью оставления, по официальной формулировке, была «подготовка к профессорскому званию»: оставленные сдавали магистерские экзамены, писали диссертации, после чего те из них, кто успешно прошел все необходимые этапы, приобретали ученую степень и могли пополнить штат приват-доцентов и профессоров как в своем, так и в других вузах. На ВЖК цель оставления чаще всего обозначалась как неопределенное «продолжение научных занятий» (допуск к магистратуре стал возможным для женщин только в 1910-е гг., и воспользовались им единицы); оставленные получали право испрашивать разрешение работать в библиотеках и архивах от имени ВЖК и в будущем имели шанс стать лаборантами, ассистентами или преподавателями на ВЖК — в качестве собственных выпускниц. Тем не менее, статус «оставленной при курсах» был весьма престижным: это было формальное признание научного потенциала; кроме того, оставленные имели право пользоваться курсовой библиотекой, посещать лекции и практические занятия. Решение об оставлении принималось факультетом по представлению профессора. Кроме Т. М. Глаголевой, В. В. Сиповский в 1907 г. оставил при курсах Екатерину Павловну Херсонскую (урожд. Куняеву) (см.: *Отчет ВЖК 1906—1907. СПб., 1908*. С. 75).

[14] Согласно официальным сведениям, Т. М. Глаголева состояла преподавателем ВЖК по русской литературе с 16 июня 1909 г., с вознаграждением 400 руб. в год. См.: Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе к 1 января 1911 года. СПб.: тип. В. Д. Смирнова, 1911. С. 43.

[15] *Раев Николай Павлович* (1855—1919) — сын священника, будущего митрополита С.-Петербургского и Ладожского Палладия; окончил специальные курсы Лазаревского института восточных языков (1878); директор ВЖК с 1894 по 1905 г.; впоследствии директор учрежденных при поддержке министерства Высших женских курсов Н. П. Раева (1905—1916); действительный статский советник (1896); обер-прокурор Святейшего Синода (с 30 авг. 1916 по март 1917 г.).

[16] К автобиографии был приложен машинописный «Список научных и литературных трудов Т. М. Глаголевой-Берхен», в котором, помимо первой статьи, она указала следующие работы (сведения проверены нами по изданиям и приведены к современным библиографическим нормам): 1) К жизнеописанию князя Потемкина: повесть о Гардарике, князе Цимбрском // Русский архив. 1910. Кн. 2, вып. 5. С. 49—77; 2) Отзывы современников и потомства о литературной деятельности М. В. Ломоносова // М. В. Ломоносов, 1711—1911: сб. статей / под ред. В. В. Сиповского. СПб.: Изд-во Я. Башмаков и К° в Петербурге, 1911. С. 150—185; 3) К литературной истории сатир кн. А. Д. Кантемира. Влияние Буало и Лабрюйера // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1913. Т. XVIII, кн. 2. С. 143—187; 4) Кантемир Антиох Дмитриевич // Новый энциклопедический словарь / изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1913. Т. 20. С. 757—760; 5) Сатиры кн. А. Д. Кантемира и русский быт первой половины XVIII века // Филологические записки. 1914. Вып. 3. С. 398—421; Вып. 4. С. 489—503; 6) Ломоносов как гражданин // Там же. 1915. Вып. 2. С. 205—222; 7) Раб, эллин и жрец: В. Г. Бенедиктов, Н. Ф. Щербина, А. А. Фет // Русская мысль. 1917. Кн. 2. С. 26—39. В сохранившемся в архиве Т. М. Глаголевой экземпляре далее на подклеенном бумажном фрагменте указаны неполные (и часто неточные) сведения о других работах: газетных публикациях, статьях в журналах и энциклопедиях советского периода. Сверка этих сведений и подробное рассмотрение научного и литературно-

критического творчества Т. М. Глаголевой не входила в наши задачи в настоящей публикации.

[17] *Прахов Адриан Викторович* (1846—1916) — историк искусства, археолог; преп. ВЖК (1900—1906) и С.-Петербургского университета (1873). А. В. Прахов читал лекции для 3-го и 4-го курсов.

[18] *Глаголев Николай Матвеевич* (1880—1938) — революционер, журналист, книгоиздатель; с 1904 по 1909 г. руководил собственным издательством, печатавшим книги преимущественно социально-экономической и исторической тематики; кроме того, участвовал в издании и распространении марксистской литературы (см.: Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. Т. 5: Социал-демократы, 1880—1904, вып. 2: В — Гм. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. Стб. 1279—1282). Кроме того, Н. М. Глаголев был авиатором-любителем (под псевдонимом Волков); вел разделы о новостях воздухоплавания в различных изданиях, редактировал журнал «Вестник воздухоплавания», в котором в 1912—1914 гг. в качестве издательницы выступала Т. М. Глаголева. После 1917 г. работал как инженер, специалист в области авиадвигателей; автор нескольких пособий; арестован в 1937 г., умер в заключении в Ухтижемлаге.

[19] *Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич* (1873—1955) — этнограф, публицист, советский партийный и государственный деятель; в 1906—1917 гг. соединял нелегальную партийную работу с легальной издательской деятельностью; с 1908 по 1918 г. владел созданным им издательством «Жизнь и знание».

[20] *Сытин Иван Дмитриевич* (1851—1934) — один из крупнейших книгоиздателей дореволюционной России. «Товарищество печатания, издательства и книжной торговли И. Д. Сытина», располагаясь главной конторой в Москве, имело филиальные отделения во многих городах империи, в том числе и в Петрограде.

[21] «Литературная энциклопедия» выходила с 1929 г. в Москве под ред. В. М. Фриче, а затем А. В. Луначарского; издание прекратилось в 1939 г. после выхода предпоследнего, 11-го тома: «Стансы — Фортегуерри». Т. М. Глаголева для этого издания, согласно составленной ею автобиблиографии, написала статьи о Я. Б. Княжнине, В. И. Лукине, Ю. А. Нелединском-Мелецком, Н. П. Николеве, Н. П. Осипове, В. П. Петрове, П. А. Плавильщикове, А. А. Ржевском (Глаголева указала также В. И. Майкова, однако в энциклопедии помещена статья Л. И. Тимофеева). Кроме того, Глаголевой указаны написанные ею и «принятые редакцией», но не напечатанные статьи об А. М. Скабичевском, Д. И. Хвостове, И. И. Хемницере, А. С. Хомякове, П. И. Шаликове, А. А. Шаховском, А. С. Шишкове и И. А. Шляпкине.

[22] «Малая советская энциклопедия» вышла в 10 т. в 1928—1931 гг.; второе изд. (в 11 т.): 1936—1941, 1947; третье (в 10 т.): 1958—1960. Глаголева указала, что написала для нее статьи о Екатерине II, М. Н. Загоскине и А. Е. Измайлове.

[23] «Большая советская энциклопедия» вышла в 66 т. в 1926—1947 гг.; второе изд.: 1949—1958; третье изд.: 1969—1978. Глаголева указала, что написала для 2-го издания статьи об А. Д. Кантемире, Н. П. Николеве и Н. П. Осипове.

[24] Т. М. Глаголева ошиблась: это издание подготовил не П. Н. Берков, а З. И. Гершкович: *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений / вступ. ст. Ф. Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л.: Советский писатель, 1956 (вып. дан.: 1957). (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). В издании, действительно, учтены материалы, выявленные Т. М. Глаголевой, а в текстологическом предисловии ее работы названы «богатыми находками разысканиями» (с. 432).

Воспоминания о Высших женских курсах[1]

Когда в 1901 г. я поступила на ВЖК, слушательниц было не так много, как в последующие годы; наше поступление составляло 400 чел. на историко-филологический факультет, 200 чел. на физико-математический.

Административный аппарат состоял из директора Н. П. Раева (в нашем курсовом просторечии «папы Раева»), секретаря Скрибы (тоже прозвище, фамилии ее никто не помнил, а некоторые новички простодушно считали, что «скриба» (от латинского)[2] и есть настоящая фамилия секретаря), аудиторной дамы, т. е. диспетчера, Юлии Николаевны (фамилии не помню) — приветливой, немного суетливой, но всегда готовой пойти навстречу желаниям слушательниц, — и инспектрисы Москалевой, ведавшей интернатом.[3]

«Папа Раев» был довольно добродушен, по-своему любил Курсы: во время студенческих волнений, которые обычно грозили забастовкой, директор приходил на наши сходки и начинал слезно умолять: «Пожалейте себя, если Курсы не жалеете!», но, разумеется, это был настоящий казенный администратор, снисходительный в вопросах отсрочки платы за право учения, но совершенно чуждый науке.[4]

Инспектриса Москалева, чопорная дама со стереотипной любезной улыбкой, типа начальницы столичной гимназии, надзирала за исполнением правил общежития в интернате. Интернатки — девушки, не имевшие в СПБ родственников, по большей части состоятельные (интернат был довольно дорог), не имели права принимать кого-либо у себя в комнате — для приема посетителей предназначалась общая гостиная.[5]

Интернатки помещались в комнаты по две, причем просто в алфавитном порядке, что часто влекло к неладам между соседками с несходными характерами и направлением. Так, на нашем I-м курсе ссорились Клочкова[6] — серьезная занимающаяся девушка, и Купчинская — красивая барышня с русалочьими глазами, которая нелепо трагически покончила жизнь самоубийством на американской дуэли с соперницей из-за поклонника.[7]

Среди интернаток была своеобразная прослойка из хорошеньких девушек (некоторые были настоящими красавицами — царицами студенческих балов, напр., Мухина,[8] Яковенко),[9] которые прозывались нами «Раевский кордебалет»: они бывали у директора и инспектрисы и, кажется, очень мало интересовались наукой.

Конечно, не эти слушательницы определяли физиономию курса, однако первое время мой курс в общественном отношении был плохо спаян. Провинциалок объединяли землячества; петербурженки, жившие в семьях, были разрознены и часто держались вместе только со своими старыми гимназическими подругами. В дальнейшем завязывались дружбы, создавались кружки с общими научными и обществен-

ными интересами, но той беззаботной студенческой жизни с шумными веселыми вечеринками, о которой я знала от моей старшей сестры — бестужевки 90-х годов, мне самой не довелось испытать. То поколение не столько слушало профессоров — любимцем был И. М. Гревс[10] за прогрессивные убеждения, совершенно не признавался консервативный И. А. Шляпкин,[11] симпатичный и уважаемый С. К. Булич[12] был просто «скучен» со своим русским языком, — сколько своих «богов» — авторитетных студентов, проповедовавших террор.

Мое время не знало таких перегибов: к научным занятиям относились серьезно и добросовестно; революционно настроенные курсистки, несмотря на яростные споры различных партийных группировок, в конечном итоге все были социалистками и мирно уживались между собой — «бэки» (большевики) с «мэками» (меньшевики) и даже с эсэрами.

Помню слушательницу Стурре, восторженную и, по-видимому, очень смелую девушку, которая погибла по обвинению в участии на покушение на ген<ерал->губернатора Трепова.[13]

Сестры Масловы[14] жили в квартире, помещавшейся над полицейским участком, и устраивали там конспиративные собрания, считая именно такое соседство безопасным. Действительно, все проходило благополучно и они ни разу не «влипли».

На курсе была у нас выборная депутатка на случай каких-либо необходимых переговоров с «начальством»; но она была какая-то неяркая, и память не сохранила ни ее имени, ни внешности. Зато заметным, обстоятельным и умным деловым человеком была наша кассирша, представительница курса в кассе взаимопомощи — Ан<на> Ив<ановна> Петрова,[15] связанная с партийными группировками. Она умела выделять суммы для помощи заключенным товарищам, выписывая фиктивную ссуду на имя кого-либо из слушательниц, конечно, с ведома и согласия того лица, чьим именем пользовалась. Так же удачно списывались на те же цели деньги с выручки от курсового бала. Выручка-то вообще проверялась полицией, но были суммы с почетных билетов — вне полицейского контроля.

Курсовые балы занимали видное место в жизни Курсов моего времени: артисты в концерте выступали бесплатно, почетные билеты, которые развозились видным людям — общественным деятелям, писателям — давали солидный доход, но самое устройство бала до 1905 г. было зачастую сопряжено с трудностями. Ехать самим за разрешением в градоначальство значило тянуть бесконечную волынку — надо было раскачивать «папу Раева», который мог легко добиться личного приема у градоначальника.[16] После долгих наших упрашиваний и кислых отговорок «папы» — «Вы думаете, мне очень приятно ехать с ним разговаривать?» — он, наконец, сдавался с тем условием, чтобы с ним ехала какая-нибудь курсистка (подразумевалось — хорошенькая, ибо «папа Раев» был очень неравнодушен к женской внешности). Надо

было соответствующе приодеться, занять микроскопическое местечко в собственной пролетке директора — пролетка была узенькая, а размеры «папы» достаточно солидные — и всю дорогу до градоначальства развлекать «папу» приятными разговорами, чтобы он приехал в градоначальство в хорошем настроении. Тогда разрешение на личном приеме получалось в несколько минут, но иногда ставились каверзные условия. Так, когда я была одной из главных распорядительниц бала, градоначальник потребовал, чтобы ответственными за бал было несколько профессоров. Мы срочно мобилизовали своих учителей, охотно давших согласие на наши просьбы.

Проф. Палладин[17] (позже академик, чудесный, симпатичнейший «дядя Володя») был завербован своей ученицей — ботаником Т. А. Красносельской[18] (впоследствии видным научным работником) и был ответственным за порядок в зале.

Проф. С. К. Булич, сам прекрасный пианист, ведал артистической, а В. В. Сиповский, мой учитель, самый младший из всех, охранял лестницу и вестибюль; чтоб ему не было очень уж скучно сидеть на верхней площадке лестницы, я помогала ему нести эту вахту, и мы провели много времени в разговорах.

Нашим ответственным распорядителям — профессорам мы придумали изящные значки, и они впоследствии посмеивались над своей необычной, навязанной «начальством» ролью.

Упомяну еще об одном обычае моих курсовых лет, — так сказать, филантропического характера: ежегодно на Рождество на Курсах устраивалась елка для бедных ребят Васильевского острова, не очень многочисленная — человек на 200, но с игрушками и полезными подарками, которые удавалось собрать путем пожертвований. В течение двух лет я была рьяной помощницей главных устроительниц; когда одна за другой они кончили Курсы, взялась за дело самостоятельно. Желания и энергии было достаточно, и, развив бешеную деятельность со своими помощницами, я добилась того, что мы сумели устроить елку на 600 ребят.

Елка была громадная, до потолка актового зала, вдоволь сластей, игрушки, полезные подарки — шапка, теплый платок, платьице, иногда даже теплое пальто. Кроме детей с билетами набежало много «зайцев» — которых наш добросердечный сторож Трофим после настойчивых просьб пропускал в здание и которым подарков уже не полагалось.

Но веселились все хорошо, смотрели с увлечением картины с волшебным фонарем, и никаких нарушений порядка не было, хотя шума, смеха, стрельбы из только что полученных игрушечных пистолетов, боя барабанов, писка всяких заводных животных было столько, что и на следующий день мы все, распорядительницы, были как очумелые.

На следующий год я уже усиленно работала по русской литературе и совершенно не могла уделить время елке. У новых устроительниц

было, очевидно, меньше пыла, и елка вышла уже не такой многолюдной. В 1905 году вообще уже было не до елки, и это начинание незаметно зачахло.

Уже во время войны в 1915 году подобную же елку, в несколько меньших масштабах, устроили в Горном институте. По старой памяти я приняла в ней участие, но уже не с прежним юношеским увлечением.

Обращаясь от быта к учебным занятиям наших курсисток, повторяю, что работали усердно, более или менее успешно в зависимости от способностей, к лекциям проявляли несомненный интерес и лишь по некоторым предметам, как, например, латинский язык,[19] готовились только к экзаменам.

Профессорский состав был замечательный — все крупные ученые — немудрено, что аудитории не пустовали!

Большим успехом пользовался профессор философии А. И. Введенский;[20] не только логику и психологию, но и трудные философские учения он, убежденный кантианец, умел излагать ясно и доходчиво, порой оживляя свою серьезную содержательную речь шуткой или остротой. Доводилось мне бывать и на его практических занятиях для старших курсов. Так, например, темой занятий была философия Шопенгауэра — проводил их профессор увлекательно интересно.[21]

Исключительными, на всю жизнь памятными остались лекции профессора С. Ф. Платонова (позднее академика). Как сейчас слышу его плавную речь, ясный с необычайно четкой интонацией голос, вижу его некрупную, но до старости ладную фигуру, седой бобрик над высоким лбом, умные зоркие глаза под стеклами очков. Вижу его сидящим на кафедре, облокотясь на ручку кресла, и спокойно-художественно, порой и с легкой иронией рисующим перед нами, его слушательницами, картины русской жизни далекого прошлого. Его обрисовка детства и юности Ивана Грозного, причины возникновения опричнины была изумительна по глубокому психологизму, была совершенным шедевром исторического анализа. А о Смутном времени, таким знатоком которого был Сергей Федорович, и говорить не приходится!

Кроме того, что С. Ф. Платонов был редким мастером-лектором, он — крупнейший ученый и педагог, очень много давал своим ученицам на практических занятиях, как-то незаметно искусно направлял мысли слушательницы по нужному руслу.

Практические занятия в те годы были необязательны, но вокруг профессора обычно сплачивалась группа наиболее серьезных слушательниц, работавших над рефератами по теме, указанной профессором. У С. Ф. Платонова на нашем курсе занималась очень хорошая и способная группа; в дальнейшем одна из участниц этих практических занятий М. А. Островская защитила диссертацию на степень магистра русской истории, но психическая болезнь навсегда прекратила ее научную работу. Из более позднего поколения бестужевок — уче-

ниц С. Ф. Платонова надо указать ныне здравствующую С. Ф. Айнберг,[22] научного работника крупного масштаба.

Однажды, будучи уже преподавательницей русской литературы на Курсах, я делала доклад в Обществе любителей древней письменности,[23] косвенно связанный с историей; на докладе присутствовал С. Ф. Платонов, и после его окончания полушутя сказал М. С. Майковой (бестужевка, жена секретаря О<бщест>ва, а в советское время — сама секретарь, научный работник по литературе со значительным количеством трудов):[24] «Чувствуется моя школа».

Он был совершенно прав в своей оценке, ибо тот исторический фундамент, который необходим и литературоведу, был заложен у С. Ф. Платонова, на практических занятиях, под его ценным руководством.

Сергей Федорович хорошо знал занимающихся у него и был к ним внимателен; на экзамене умел даже прямо проставить отметку, не спрашивая слушательницу. Когда я уезжала на лето в имение к тетке в Воронежскую губернию и знала, что не найду там научной литературы, я обратилась к Сергею Федоровичу с просьбой, нельзя ли с его помощью получить книги из нашей фундаментальной библиотеки. Заведующая библиотекой Е. В. Балобанова — старая бестужевка, автор чудесных легенд для юношества[25] — знала меня, но на каникулы курсисткам книг не полагалось выдавать. С. Ф. поручился за то, что выдаваемые мне книги будут сохранены, и я получила все, что хотела, увезла с собой целую кипу капитальных ценных трудов по русской истории.[26]

Позднее мне доводилось иногда встречаться с С. Ф. Платоновым у общих знакомых Майковых и по делу.

Была я и в хороших отношениях с Ниной Сергеевной, дочерью профессора, до самой ее смерти во время блокады Ленинграда, — (наша бестужевка, ученица Е. В. Тарле, автор ряда научных работ, в советское время печаталась в «Лит<ературном> наследстве», ред<актировавшемся> В. Д. Бонч-Бруевичем);[27] она многое рассказывала об отце, но главная острота впечатлений сохранилась от поры моей юности, и в благодарной памяти до конца моей собственной жизни остался образ любимого профессора, чуткого учителя, которому я обязана своей научной подготовкой.

Среди историков видное место занимал И. М. Гревс — кумир предшествовавших мне поколений. Европейски известный ученый (специальность — средние века), чрезвычайно прогрессивный человек, прекрасно относившийся к молодежи, после студенческих волнений 8 февр. 1899 г. был изгнан властями из Университета и с ВЖК.[28] Будучи восстановлен в 1902 г., в 1903 И. М. вернулся на Курсы. Возвращение пострадавшего любимого профессора было встречено восторженно; на первой его лекции слушательницы устроили настоящую овацию. Иван Михайлович был так тронут, что в приветствии его курсисткам

в его голосе слышались слезы. В дальнейшем, однако, успех И. М. Гревса бывал уже не так велик: слушательницы относились к нему с неизменным уважением и как к профессору, и как к декану факультета, но сильные симпатии вызывали теперь уже более молодые ученые: Э. Д. Гримм[29] и особенно М. И. Ростовцев (историк Рима),[30] горячий, увлекающийся самим процессом лекции. Он возбужденно двигался по кафедре, а когда раздавался звонок, возвещавший конец лекции, быстро собирал свои записки и почти сбегал с кафедры.

С большим темпераментом читал, также из «молодых», испанскую литературу проф. Д. К. Петров.[31] До его приглашения на Курсы западная литература была представлена Ф. А. Брауном,[32] солидным ученым, который своим ровным и спокойным чтением особенно многолюдной аудитории не привлекал.

Были еще профессора, читавшие спорадические курсы, не подлежавшие сдаче на экзаменах: маститый патриарх с длинной седой бородой, ученый, поэт и переводчик — П. И. Вейнберг, который из равнодушия к ученым степеням так до старости числился магистрантом.[33] П. И. Вейнберг читал курс о Байроне, просто, очень доступно, но увлекательно и образно.

О «старой веселой Англии» с неизменным пафосом повествовал Е. В. Аничков.[34]

До 1903 г. слабее других была представлена кафедра русской литературы: ею ведал один только профессор И. А. Шляпкин, специалист по древней русской литературе, — фигура чрезвычайно колоритная, но лектор не блестящий.

В 1903 г. с приглашением проф. В. В. Сиповского кафедра новой русской литературы, которую он возглавлял, пополнилась далее и другими лицами (Н. К. Пиксанов, Т. М. Глаголева), но о работе нашей кафедры я буду говорить на других страницах моих воспоминаний, — здесь я ограничиваюсь лишь годами моей личной курсовой жизни.

14.1.1961. Т. Глаголева-Берхен.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 5 («Материалы о ВЖК»). Машинопись (не 1-й экземпляр). Здесь же рукопись, по содержанию идентичная машинописному тексту.

[2] Незаполненный пропуск в тексте. Имеется в виду: scriba — секретарь, писец (*лат.*). Ср.: «Скриба (Scriba) — у древних римлян название секретаря. С. составляли высший класс служащих» (Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1900. Т. 30 (59). С. 268; статья Н. П. Обнорского). Слово употреблялось и в переносном ироническом значении. Ср.: «По одну сторону выводящей арки приютился “моментальный” фотограф, снимающий на арабесочном фоне мадрассы, по другую — расставивший на ковре свои калямы и свертки бумаги наемный скриба, строчильщик просьб и кляуз» (*Кржижановский С. Д.* Салыр-Гюль (1933)); «Прокламации изготовлял главным образом Никитский, Андрей Александрович, наш “скриба”, как мы его называли» (*Вишняк М. В.* Дань прошлому (1953)); «Составлял бюллетень Никитский, которого мы за это прозвали “Скри-

ба” <...>» (*Зензинов В. М.* Пережитое (1953)); примеры найдены с помощью Национального корпуса русского языка. Слово, возможно, воспринималось как имя собственное на фоне общеизвестной фамилии французского драматурга *Эжена Скриба* (1791—1861). Кроме того, псевдонимом «Скриба» активно пользовался в периодической печати литературный критик и журналист *Евгений Андреевич Соловьев* (1866—1905).

[3] Должности секретаря на ВЖК не было. В штат инспекции (т. е. административного персонала, подчинявшегося директору) в 1901—1902 гг. входили, помимо названных: выпускницы ВЖК (1882; ист.-фил.) *Юлии Николаевны Вощининой* (1861—?) и вдовы действительного статского советника, бывшей начальницы Елецкой женской гимназии *Софьи Александровны Москалевой*, — помощницы инспектрисы: выпускница ВЖК (1895; ист.-фил.) княжна *Зинаида Аркадьевна Мышецкая* и домашняя учительница *Зинаида Ивановна Неклюдова*, а также письмоводитель, личный почетный гражданин *Сергей Алексеевич Щеголев*. См.: *Отчет ВЖК 1901—1902. СПб., 1903.* С. 57. Все они покинули ВЖК в 1905 г. после упразднения инспекции. На приложенном к воспоминаниям Т. М. Глаголевой листке, видимо, рукой одной из членов редакционной комиссии написаны три фамилии: «Секретарь — ? Платонова Афанасия Михайловна; Москалева Софья Александровна; Вощинина Юлия Николаевна», однако А. М. Платонова покинула ВЖК весной 1901 г.

[4] О «директоре Р., по прозванию “папаша”» см. в мемуарном очерке К. М. Милорадович «Пир во время чумы»: «У папаши Р. была довольно примечательная наружность. Он мне немного напоминал Ставрогина, как тот описан у Достоевского, но более добродушного и взятого в бесконечно более мелком масштабе. Известно, что Достоевский описывает наружность Ставрогина как красивую и в то же время несколько отвратительную. Папаша Р. тоже был недурен. Его красное, с нафабренными черными усами лицо напоминало маску, а на голове он носил парик, или, по крайней мере, черные припомаженные волосы, разделенные ровным пробором посредине, — очень напоминали парик. Не знаю, какими судьбами он, человек без высшего образования, но очень богатый, стал во главе высшего женского учебного заведения. Когда впоследствии директор курсов стал выбираться из среды профессоров и Р—ву пришлось уйти, он открыл собственные частные, так называемые “Раевские” женские курсы, пользовавшиеся довольно хорошей репутацией, так как там преподавали тоже университетские профессора. Во всяком случае, без высшего женского учебного заведения под руками Р. жить не мог. Он был страстным любителем женщин. О его ухаживаниях ходили темные слухи, не опровергавшиеся непосредственным впечатлением от его личности, в которой было что-то кошачье и не совсем чистоплотное. Но были в его характере и положительные черты. Он всегда горой стоял за свои курсы и своих курсисток, в случае демонстраций и студенческих историй, вызывавших репрессии и аресты, — всегда стойко и с успехом защищал их перед властями, где имел связи, и никогда не оставлял нуждающихся без помощи. Умом он не отличался; отношение к нему слушательниц было добродушно-насмешливым <...>» (*Милорадович К. М. У меня есть моя истина...* С. 137—138).

[5] Общежитие ВЖК было учреждено вместе с возобновлением временно приостановленного приема на курсы в 1889 г. Впоследствии оно размещалось как в нанимаемых квартирах в соседних домах, так и в специально для него построенном в 1895 г. флигеле, а затем и в приобретенном соседнем доме, соединенном с главным зданием ВЖК внутренним переходом. При организации общежития предполагались следующие основания: «Общежитие должно предоставлять отвечающее санитарным требованиям помещение и здоровое питание. Обстановка его должна быть удобная, простая. Плата за общежитие должна покрывать все расходы по со-

держанию и применительно к существующим ценам назначается в 300 руб. За эту плату общежитие предоставляет лицам, пользующимся им, меблированное помещение с отоплением и освещением, прислугу, стирку, утренний и вечерний чай, завтрак и обед. <...> Внутренний строй общежития и надзор над слушательницами находился в ведении инспектрисы Курсов, назначенной Министерством Народного Просвещения» (С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет, 1878—1903: очерки и материалы. [СПб.]: Комитет О-ва для доставления средств Высшим Женским курсам в С.-Петербурге, 1903. С. 198—199; см. также с. 209—213; далее: *ВЖК за 25 лет...*). Обстановка и распорядок жизни в общежитии при открытии были достаточно жестко регламентированы: «Обстановка для всех слушательниц полагается одинаковая: для каждой предоставлены железная кровать с матрацом и подушкою, комод, шкаф для платья, письменный стол, полка для книг, мягкое кресло, плетеный венский стул, лампа и подсвечник. Внутренний распорядок жизни в общежитии установлен следующий: с 9½ до 10¾ час. утра — чай или кофе в общежитии. В 12 часов, во время большой перемены между лекциями, завтрак. В 4 часа, по окончании лекций, обед в здании курсов. В 9 часов чай (в общежитии). Слушательницы, живущие в общежитии, могут принимать своих родственников и знакомых в свободное от занятий время в особой приемной, причем посетители и посетительницы вносят свои имена в заведенную для того книгу» (*Отчет ВЖК 1889—1890. СПб., 1891*. С. 48—49). В дальнейшем условия проживания и плата за проживание в общежитии варьировались в разные годы и в различных его подразделениях. Общежитие ВЖК было упразднено в янв. 1906 г.

[6] Неустановленное лицо. В списках выпускниц ВЖК отсутствует.

[7] *Купчинская Елена Петровна* (1882—1903) — слушательница ВЖК (ист.-фил.). Выразительный портрет Е. П. Купчинской («Лёли») содержится в очерке «Вампир» К. М. Милорадович, состоявшей с ней в дальнем родстве: «Леля К. <...> была очень красива. Правда, красота ее была несколько холодноватой и декоративной, но очень эффектной. Особенно хороша была у нее копна пепельных пушистых волос, а черное платьице “réforme”, которое она обычно носила, было ей чрезвычайно к лицу. Руководить Лелей в ее знакомстве с курсами не пришлось. Она отличалась большой самостоятельностью и пылкостью темперамента. Но наше знакомство, хотя и не перешло в более интимную связь, завязалось довольно прочно и было окрашено чувством взаимной симпатии. <...> наши встречи с Лелей стали довольно редкими, происходили обычно в здании курсов между лекциями на сходках, но сопровождались обыкновенно оживленным обменом мнений и впечатлений. Эти встречи сделались еще реже, когда Леля, увлекшись театром, поступила, не бросая высших курсов, в театральное училище. На лекциях она появлялась крайне редко, и был долгий период, когда я ничего не слыхала о ней» (*Милорадович К. М. У меня есть моя истина...* С. 110). Самоубийство Е. П. Купчинской 10 нояб. 1903 г. породило различные предположения и слухи: «Говорили, что К—ская и другая ученица театрального училища уговорились вместе покончить с собою. Что они достали револьвер и вчера вечером, запершись в Лелиной комнате, стреляли в себя. К—ская убила себя наповал, а другая стреляла неудачно, произошла осечка, и она осталась жива. Говорили, что был вызван брат К—ской и что он всю ночь провозился с бившейся в истерике второй неудачной самоубийцей» (Там же. С. 114). К этой же версии склоняется и Милорадович, приписывая спонтанное решение «импульсивной и жизнерадостной», но впечатлительной Купчинской влиянию на нее депрессивной и разочарованной в жизни подруги (идентифицировать которую нам не удалось). Причины смерти удалось скрыть, и Е. П. Купчинская была похоронена на Волковом кладбище по православному обряду. См.: *Саитов В. И.* Петербургский некрополь. СПб.: тип. М. М. Стасюлеви-

ча, 1912. Т. 2: Д — Л. С. 565; см. также: *Гордеев П. Н.* Ф. П. Купчинский — уполномоченный Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по делам бывшей Придворной конюшенной части и бывшего Гаража его величества // Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: международная научная конференция «Таврические чтения 2012». СПб.: ЭлекСис, 2013. Ч. 2. С. 41.

[8] Возможно, *Шаурова (урожд. Мухина) Мария Климентовна*, выпускница ВЖК (1904; ист.-фил.).

[9] Возможно, *Яковенко Надежда Павловна*, выпускница ВЖК (1904; ист.-фил.).

[10] *Гревс Иван Михайлович* (1860—1941) — историк-медиевист; преп. ВЖК (с 1892 г., с перерывом) и С.-Петербургского университета (с 1889 г., с перерывом).

[11] *Шляпкин Илья Александрович* (1858—1918) — историк русской словесности; преп. ВЖК (1890) и С.-Петербургского университета (1888); член-корр. АН (1907). Подробнее о нем см.: Илья Александрович Шляпкин в зеркале своих корреспондентов: письма А. А. Громова, 1904—1918 гг. [Ч. 1] / вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. В. Вострикова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Росток, 2020. С. 416—430.

[12] *Булич Сергей Константинович* (1859—1921) — филолог-русист, санскритолог, музыковед, композитор и музыкант-любитель; преп. ВЖК (1890) и С.-Петербургского университета (1885); последний директор ВЖК (1910—1918).

[13] *Стуре (Стурре) Лидия Августовна* (1884—1908) — слушательница ВЖК (физ.-мат.), член эсеровского Северного боевого летучего отряда. Отряд готовил покушение на министра юстиции Ивана Григорьевича Щегловитова (1861—1918); был выдан полиции Е. Азефом. 7 февр. 1908 г. Стуре была арестована во время тайного наблюдения за квартирой Щегловитова, при аресте стреляла в агента, но промахнулась. 15 февр. состоялся суд над Стуре и восемью другими членами группы, в том числе выпускницей ВЖК (1896; ист.-фил.) Анной Михайловной Шулятиковой (по мужу Распутина; 1874—1908). Смертный приговор в отношении семерых подсудимых (в том числе Стуре и Шулятиковой) был приведен в исполнение в ночь с 17 на 18 февр. 1908 г. 17 февр. состоялось экстренное заседание Советской комиссии ВЖК с единственным вопросом: «Обсуждалось положение вещей, созданное исполнением смертного приговора над слушательницей С.-Петербургских Высших Женских Курсов Лидией Стуре. Постановлено: уполномочить директора в случае необходимости отменить в понедельник 18 февраля на один день занятия на Курсах» (*Отчет ВЖК 1907—1908. СПб., 1909.* С. 126—127). Занятия на ВЖК 18 февр. 1908 г. действительно были отменены. См.: *Стриевская С. И.* Участие бестужевок в революционном движении // *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 57—60. Л. А. Стуре и ее товарищи стали прототипами героев повести Л. Н. Андреева «Рассказ о семи повешенных» (1908). Ошибка памяти Глаголевой, назвавшей объектом покушения петербургского генерал-губернатора (в 1905—1906 гг.) *Дмитрия Федоровича Трепова* (1855—1906), связана, вероятно, с общеизвестной историей о покушении на его отца, петербургского градоначальника *Федора Федоровича Трепова* (1812—1889), совершенном в 1877 г. *Верой Ивановной Засулич* (1849—1919).

[14] Вероятно, *Маслова Евгения Дионисьевна*, выпускница ВЖК (1907; ист.-фил.), и *Маслова Елена Дионисиевна* (1888—?), выпускница ВЖК (1916; ист.-фил.; русская филология, литература).

[15] *Петрова Анна Ивановна* (1887—?), выпускница (1914; ист-фил.; русская филология, литература). Подробнее о кассе взаимопомощи на ВЖК см.: *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 74—75.

[16] Должность с.-петербургского градоначальника с 1895 до конца 1903 г. исполнял *Николай Васильевич Клейгельс* (1850—1916); с февраля 1904 до 11 января 1905 г. — *Иван Александрович Фуллон* (1844—1920); с января по декабрь 1905 г. — *Владимир Александрович Дедюлин* (1858—1913), а после него — *Владимир Федорович фон дер Лауниц* (1855—1906). Описание посещения градоначальника за получением разрешения на благотворительный концерт в пользу нуждающихся курсисток содержится в воспоминаниях бестужевки *Елены Николаевны Верейской* (урожд. *Кареевой*; 1886—1966; ВЖК не окончила). Действие происходит в конце 1905 или начале 1906 г. «Я очень волновалась: сумею ли? Надев свой лучший костюм, отправилась к градоначальнику: добиваться встречи не пришлось: какой-то чиновник, даже не спросив, по какому я делу, провел меня по широким коридорам и остановился у высокой дубовой двери.

— Подождите минуту. Я доложу.

— Скажите, что представительница ВЖК.

Он сразу же вернулся и распахнул дверь.

— Пожалуйста!»

Героине удается обмануть чиновника (на самом деле деньги нужны для бегства скрывающейся от полиции подруги) и обойти выставленные им препятствия («артистам императорских театров мы не разрешим участвовать»; «все билеты должны быть проштампованы в градоначальстве» и т. п.). Показательна концовка эпизода:

«Ой, как трудно было удержать свои ноги, чтобы они шли степенным, неспешным шагом по ковровой дорожке к двери. Они рвались бежать, бегом бежать из этого гнусного места! А вдруг этот тип одумается, вернет, отберет разрешение! Так же степенно я заставила себя спуститься по лестнице мимо шнырявших по ней взад и вперед полицейских, но, выйдя на Гороховую улицу, я вскочила на первого извозчика и, ликуя, помчалась к подругам» (*Кареева-Верейская Е. Н.* Странички дневника // *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 258—260).

[17] *Палладин Владимир Иванович* (1859—1922) — ботаник и биохимик; преп. ВЖК (1900) и С.-Петербургского университета (1901), член-корр. АН (1905), академик (1914).

[18] *Красносельская-Максимова Татьяна Абрамовна* (1883—1950), выпускница ВЖК (1904; физ.-мат.; хим. разряд, биология); после окончания оставлена при курсах, с 1909 г. ассистент по кафедре анатомии и гистологии; впоследствии известный ботаник, доктор биологических наук (1935).

[19] «На моем курсе латинский яз<ык> читал Н. К. Гельвих — скучновато; зато у проф. И. И. Холодняка, который в дальнейшем читал еще и греч<еский> яз<ык>, дело обстояло иначе: слушательницы действительно выучивались языку. И. И. вел также для желающих занятия по итальянскому языку, причем согласился заниматься со старшей группой (хотя нас было только двое). Мы читали с ним Данте и позднее д'Аннунцио» (*примеч. Т. М. Г.-Б.*). В примечании упоминаются: *Гельвих Николай Августович* (Карлович) (1868 — не ранее 1929) — преп. латинского языка ВЖК (1893) и С.-Петербургского университета (1898—1904); *Холодняк Иван Ильич* (1857—1913) — филолог-классик, преп. латинского языка и литературы ВЖК (1889) и С.-Петербургского университета (1884). В 1903 г. И. И. Холодняк отмечал: «Возможность приложить свои познания по латинскому языку к ознакомлению с романскими наречиями слушательницы получили в последнее время в виде необязательного курса итальянского и испанского языков (итальянский читается проф. И. И. Холодняком, испанский — проф. Д. К. Петровым)» (*ВЖК за 25 лет...* С. 45). Ср. в некрологе И. И. Холодняка: «С 1901—2 г. И. И. взял на себя ведение элементарного курса итальянского языка. Курс этот вел он и в следующие

годы, присоединив к нему еще занятия по итальянским авторам» (*Отчет ВЖК 1912—1913. СПб., 1914*. С. 15). С 1909 г. на курсы был принят штатный лектор по итальянскому языку *Ринальдо Викторович Лоренцони* (1857—1924).

[20] *Введенский Александр Иванович* (1856—1925) — философ, логик; преп. ВЖК (с 1889, с перерывами) и С.-Петербургского университета (1887), председатель Философского общества при С.-Петербургском университете (1897—1923).

[21] Семинарий по Шопенгауэру А. И. Введенский вел в 1903—1904 учебном году: «По философии практические занятия на двух старших курсах производились под руководством проф. А. И. Введенского. Сначала они состояли в критическом изучении сочинения Шопенгауера “О четвероякомъ корне закона достаточного основания”. Слушательницы по очереди излагали письменно или устно (но не иначе как при помощи письменного конспекта) и совместно обсуждали все главы этого сочинения, сопоставляя их с некоторыми отрывками из гносеологических сочинений Канта, Юма и Милля. Таким образом, слушательницы имели возможность более или менее самостоятельно разъяснить и углубить приобретенные ими на лекциях сведения по гносеологии. Вслед за тем для углубления их познаний по этике подобным же путем изучались сочинения Шопенгауера “О свободе воли” и “Основы морали”, причем они сопоставлялись с отрывками из этических сочинений Канта» (*Отчет ВЖК 1903—1904. СПб., 1905*. С. 77).

[22] *Айнберг-Загряцкова (Ансберг) Сарра Филипповна (Сура-Фалик Рувимовна)* (1886—1963), выпускница ВЖК (1911; ист.-фил.; русская история); после окончания оставлена при курсах по кафедре русской истории, ассистировала проф. А. А. Кауфману в ведении семинария по исторической статистике (с 1914 г.). Впоследствии жена, помощница, а после смерти хранительница архива поэта и писателя *Гавриила Валерьяновича Добржинского* (1883—1946).

[23] Императорское Общество любителей древней письменности (ОЛДП) имело целью, согласно уставу, «издание славяно-русских рукописей, замечательных в литературном, научном, художественном и бытовом отношении, и перепечатывание книг, сделавшихся библиографической редкостью»; действовало в С.-Петербурге с 1877 по 1932 г. С 1894 г. до закрытия ОЛДП должность секретаря исполнял *Владимир Владимирович Майков* (1863—1942). Т. М. Глаголева регулярно посещала заседания ОЛДП и неоднократно в них выступала. Одно из заседаний она описала в стихотворении:

В О<бщест>ве Люб<ителей> Др<евней>
Письм<енности>. 15/I <1910>

Длинный стол, сукном затянут,
На стенах везде иконы;
Референт все тянет, тянет,
Голос мерный, монотонный.

Долго, долго он читает,
Говорит подробно, скучно,
А о чем — мой ум не знает,
Строгим рамкам непослушный.

Озабоченные лица, —
Этим людям интересно!
Мертвецов то вереницы,
Путь прямой им в рай небесный!

Не для них весна и лето,
Аромат цветов душистых,

Сказкой лунной лес одетый,
Солнца трепет золотистый.

Прочь из сети душно-тесной,
Мглы ученого обмана!
Прочь отсюда — в мир чудесный,
В царство радостного Пана!

Пусть все так же скучно льется
Речь ученого скелета, —
Прочь отсюда! Жизнь смеется:
Песнь моя еще не спета!
(РО ИРЛИ, ф. 723, папка 4 («Стихи. Тетрадь 2»)).

[24] М. С. Боровкова-Майкова была не только женой В. В. Майкова, но и его помощницей в ОЛДП (в том числе одно время занимала должность библиотекаря общества).

[25] *Балобанова Екатерина Вячеславовна* (1847—1927), выпускница ВЖК (1882; ист.-фил.) — библиотекарь ВЖК (1882—1918); филолог-кельтолог, автор перевода «Поэм Оссиана» Дж. Макферсона на русский язык (1891), а также ряда изданий для детей и юношества: «Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах» (3 т.; 1896—1900; совместно с О. М. Петерсон), «Легенды о старинных замках Бретани» (1896, 1899), «Рейнские легенды» (1897, 1898, 1902, 1912), «Из моих странствий и приключений» (3 ч.; 1901—1913), «Пятьдесят лет назад: воспоминания институтки» (1913) и др. См. о ней: Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: труды, документы, воспоминания / сост., автор статьи и коммент. А. В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2014.

[26] Сохранилось письмо Е. В. Балобановой к С. Ф. Платонову от 25 апр. 1903 г. по поводу этого эпизода:

«Многоуважаемый Сергей Федорович,

Я позволила себе дать Глаголевой не все те книги, которые Вами были назначены, потому что она девица очень неаккуратная. Я ей выдала лишь те, которых у нас имеются дублеты, и не дала ни Бильбасова, ни Шильдера. Я принуждена так действовать ввиду того, что за последние годы необычайно возрастает процент невозвращенных книг из числа взятых на имена профессоров, как в учебный сезон, так и на лето. За каждым почти профессором числится по нескольку взятых и не возвращенных книг с 1897 по 1902 г., и надежды на возвращение многих из них нет никакой. Ваши ученицы наиболее аккуратны, но и то <далее Балобанова называет несколько книг, утерянных ученицами Платонова. — *А. В.*>.

Слушательницы, берущие книги на имена профессоров, кроме того, никогда не считаются ни с количеством книг, которые могут отпускаться в одни руки, ни со сроками, определенными для возвращения их: за некоторыми числятся книги с 1899 г. “Книга у меня, она мне нужна”, — говорят они, и делу конец. Если же слушательница берет обыкновенным порядком на свое имя, то она обязана возвратить книгу перед отъездом; если же она берет ее на лето под залог — она ограничена и количеством и сроком возвращения. Из книг последней категории никогда не пропадало ни одной.

После же того, как оказались разрозненными коллекции справочных книг по химии, для пополнения которых нами затрачено 900 руб., я принуждена особенно внимательно относиться к спискам книг, требуемых слушательницами на имя профессора, а со своей стороны могу только покорнейше просить

самих гг. профессоров избегать давать разрешение на получение книг из библиотеки на свое имя.

Извините, что беспокою.

Преданная Вам Е. Балобанова <...>» (ОР РНБ, ф. 585, ед. хр. 2191, л. 11—12).

[27] *Платонова Нина Сергеевна* (1886—1942), выпускница ВЖК (1909; ист.-фил.; русская филология, литература) — историк (преимущественно Великой Французской революции), архивист, музейный работник. Н. С. Платонова печаталась в журнале «Анналы», выходившем в Петрограде под редакцией Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле: «Накануне Французской революции» (1922. № 1) и «Критический момент в жизни Бомарше» (1923. № 3). После возвращения из ссылки она приняла участие в трехтомном издании «Русская культура и Франция», вышедшем в серии «Литературное наследство»: подготовленные ею материалы вошли в статью В. С. Люблинского «Наследие Вольтера в СССР» (М., 1937. Т. 1; Литературное наследство. Т. 29/30), а также составили самостоятельную публикацию «Вольтер в работе над “Историей России при Петре Великом”: новые материалы» (М., 1939. Т. 3; Литературное наследство. Т. 33/34). В. Д. Бонч-Бруевич редактировал сборники «Звенья», выходившие в Москве с 1932 г., а к изданию «Литературного наследства» отношения не имел.

[28] Весной 1899 г. в России произошли самые масштабные студенческие волнения, начавшиеся с разгона шествия студентов столичного университета полицией 8 февр. и последующими объявлением забастовки и прекращением занятий (10 февр.), введением в университет полиции (12 февр.), присоединением к забастовке студентов других вузов в разных городах страны, введением правил об отдаче отчисленных студентов в солдаты и т. д. Летом 1899 г. от преподавания в С.-Петербургском университете и на ВЖК по личному распоряжению министра народного просвещения Н. П. Боголепова были уволены И. М. Гревс и Н. И. Кареев; официально причины удаления популярных профессоров не были объявлены, но общественное мнение связывало его с их либеральным образом мысли и публичным осуждением полицейских мер. И. М. Гревс возобновил чтение лекций на ВЖК осенью 1902 г. («среднюю» историю — для 2-го курса, на котором училась Глаголева), Н. И. Кареев — в 1906 г. Подробнее см.: *Востриков А. В., Грачева Е. Н.* Reservatio mentalis, или И. М. Гревс и И. А. Шляпкин в 1899 г. // Сборник памяти Елены Владимировны Душечкиной. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 169—178.

[29] *Гримм Эрвин Давидович* (1870—1940) — историк; преп. ВЖК (1899) и С.-Петербургского университета (с 1894, с перерывом); впоследствии проректор (1909—1910) и ректор университета (1911—1918).

[30] *Ростовцев Михаил Иванович* (1870—1952) — филолог и историк-классик, антиковед; преп. ВЖК (1898) и С.-Петербургского университета (1899).

[31] *Петров Дмитрий Константинович* (1872—1925) — филолог-испанист; преп. ВЖК (1902) и С.-Петербургского университета (1899). В мае 1928 г., оправляясь от болезни, Т. М. Глаголева писала М. С. Боровковой, расспрашивая об общих знакомых: «<...> черкните, от какой болезни умер мой “враг” Д. К. Петров — меня это известие как громом поразило» (СПбФ АРАН, ф. 738, оп. 4, ед. хр. 4, л. 13 об.; письмо от 22 мая 1928 г.).

[32] *Браун Федор Александрович* (1862—1942) — филолог-германист; преп. ВЖК (1893) и С.-Петербургского университета (1900).

[33] *Вейнберг Петр Исаевич* (1831—1908) — поэт, переводчик, историк литературы; преп. ВЖК (1901—1903) и С.-Петербургского университета (1887—1894); почетный академик по разряду изящной словесности (1905). После окончания Харьковского университета (1854) П. И. Вейнберг сдал магистерские экзамены

и в соответствии с этим пользовался званием магистранта. Занимаясь почти всю жизнь литературной и журнальной работой, магистерской диссертации он так и не написал и, когда был приглашен преподавать на ВЖК, вынужден был в официальных документах писаться «магистрантом», что в соединении с его возрастом и библейской внешностью выглядело несколько комично. Сходная (и, конечно, хорошо известная Глаголевой) ситуация была у историка Александры Яковлевны Ефименко (1848—1918), приглашенной на ВЖК в 1907 г.: окончив в свое время женскую гимназию, она пользовалась званием «домашней учительницы» до тех пор, пока Харьковский университет не удостоил ее докторской степенью honoris causa (1910), после чего она была избрана профессором ВЖК. — В тексте фамилия написана в немецкой огласовке: Вайнберг.

[34] *Аничков Евгений Васильевич* (1866—1937) — историк литературы, фольклорист; преп. ВЖК (1902—1908) и С.-Петербургского университета (1902—1917).

Воспоминания о группе русской филологии Высших женских курсов[1]

Когда в 1901 г. я поступила слушательницей на ВЖК, ист<орико>-фил<ологический> факультет не был еще разбит на более узкие специальности, а включал и исторические и филологические кафедры.

После проведения реформы преподавания и перехода на предметную систему я переключилась на нее, избрав группу русской филологии (хотя могла закончить Курсы по старой системе), ибо уже с 1904 г. специализировалась по русской литературе и в 1906 г. начала печататься;[2] (кончила ВЖК в 1907 г.).

С чистыми филологами я была мало связана и потому могу сказать о них немногое.

С. К. Булич — после В. А. Фаусека[3] — наш директор, прекрасный человек, талантливый музыкант-пианист и, конечно, крупный знаток своего предмета — русского языка, читал его несколько скучновато, так что, когда на кафедре появился новый даровитый специалист, молодой тогда еще доцент Л. В. Щерба,[4] слушательницы охотнее занимались у него, чем у С. К.

И. А. Бодуэн-де Куртенэ,[5] читавший введение в языкознание, ученый с очень большим именем, отличался необыкновенной скромностью и мягкостью; его просеминарий был обязательным для начинающих, и, кажется, не было ни одной курсистки, которой Ив<ан> Ал<ександрович> нашел бы возможным не зачесть работу или поставить «неуд.» на экзамене.

Из профессоров литературы профессор древней русской литературы И. А. Шляпкин — фигура чрезвычайно колоритная. Своеобразная наружность: большая голова, крупные черты лица, неестественная полнота (болезненная) и при этом быстрая, почти семенящая походка. Лицо ученого, но с некоторой чисто-русской хитринкой (Шляпкин — сын крестьянина); когда же И. А. улыбался или смеялся, его лицо, совсем некрасивое, становилось очень привлекательным.

Характерной чертой Шляпкина-ученого было кропотливое, детальное исследование; им было написано свыше 100 научных трудов (одна из лучших работ: «Царевна Наталия Алексеевна и театр ее времени»), но докторской диссертации он не удосужился защитить; зато получил почетную степень доктора honoris causae.[6]

По своим убеждениям человек довольно консервативный, И. А. Шляпкин хорошо относился к молодежи.

Большой популярностью его лекции не пользовались, отчасти по своим темам, отчасти потому, что читал И. А. в манере рассказа, что не всем нравилось. В частной беседе это был великолепный рассказчик: когда он, страстный собиратель различных древностей, знаток иконографии, рассказывал о своих находках, его можно было заслушаться.

Исключительный знаток русской старины, И. А. создал у себя на даче в Белоострове, где проживал постоянно, прекрасный музей. Библиофил, иконограф, И. А. не стеснялся хитростью затащить какую-нибудь редкость в свой музей или даже присвоить. Рассказывал, например, он такой случай: где-то на севере, то ли в самой Вятке, то ли в каком-то городке Вятской губ. (не помню точно), он натолкнулся, осматривая старую церковь, на статую Христа в алтаре. Православная церковь не признавала скульптурных изображений святых (в противоположность католикам), и такие скульптуры были величайшей редкостью: сохранились от полуязыческого древнего времени кое-где в старинных церквах маленьких городишек. И. А. «заговорил» местного священника и убедил отдать ему статую. Почему-то было удобно забрать ее во время богослужения, и вот И. А. прошел со своими спутниками в алтарь; закутали статую в простыню, укрыли, положили на носилки и под видом внезапно заболевшего человека пронесли при молящихся через всю церковь. Уложить на телегу и увезти, куда требовалось, было уже не так сложно: «Христос» прибыл благополучно на станцию Белоостров и составил одну из ценностей музея, которой хозяин весьма гордился. Были у И. А. Шляпкина и такие диковинки, как огромный диван-«самосон», принадлежавший некогда историку Погодину, на котором с успехом могли улечься 4—5 человек, различные портреты писателей и ученых XIX века с автографами, картины, вышивки и т. п.

В подвальном этаже музея — предметы, иконы, рукописи, относящиеся исключительно к древней Руси; потолок был выкрашен в голубой цвет (под цвет неба) с разбросанными на нем золотыми звездами и подвешенным выпуклым серпом — луны и шариком — солнце. Ведя гостей по этому этажу, И. А. приговаривал:

«На небе солнце — и в палатах солнце;
На небе месяц — и в палатах месяц;
На небе звезды — и в палатах звезды».[65]

В годы 1910—1912 по древней литературе читал еще проф. С. К. Шамбинаго о «Слове о полку Игореве».[8]

Из профессоров новой русской литературы С. А. Венгеров[9] и Д. Н. Овсянико-Куликовский[10] мало интересовались общей работой кафедры, особенно последний: я ни разу не видела его присутствующим на факультетских заседаниях. Известный тургеневед, проф. Овсянико-Куликовский вел необязательный семинарий[11] по Тургеневу; слушательницы, пройдя обязательный зачетный семинарий у проф. В. В. Сиповского и др., шли к Овсянико-Куликовскому работать, так сказать, дополнительно. Иногда профессор читал и другие курсы, так, например, в 1911/12 уч<ебном> году он читал «Происхождение мифа».

Пушкинист и тщательный библиограф проф. С. А. Венгеров создал у себя дома замечательную картотеку по Пушкину; его пушкинский семинарий в университете работал над составлением пушкинского словаря и вообще был ячейкой, из которой вышло целое поколение молодых ученых-пушкинистов (ныне уже маститых), объединенных венгеровской школой. На ВЖК он тоже вел интересный пушкинский семинарий, относясь к нему, как это было свойственно С. А., внимательно-требовательно; он привлек слушательниц и к работе над словарем, но настоящих ученых-пушкинисток из среды его семинария не выявилось.[12]

Проф. В. В. Сиповский возглавлял кафедру новой русской литературы; он читал обязательный общий курс и вел семинарий, темы занятий в последнем были разнообразные; для поступления в семинарий требовался или зачет пройденного просеминария, или устный коллоквиум.

Разносторонне одаренный человек[13] с необыкновенной трудоспособностью, В. В. Сиповский был буквально влюблен в науку: в периоды летнего отдыха, когда он проводил некоторое время без работы, В. В. очень скоро начинал рваться к книгам и, оставив семью на даче, возвращался в Петербург еще задолго до начала учебного года. С неизменным завидным трудолюбием он поглощал неимоверное количество материалов для своих исследований: им было написано множество мелких статей, которые потом объединялись и входили как главы в солидный труд. Крупными трудами В. В. Сиповского были его магистерская диссертация «Н. М. Карамзин, автор “Писем русского путешественника”», «Пушкин, жизнь и творчество» — любимая книга ее автора; диссертация на степень доктора филологических наук в 2-х томах: «Очерки из истории русского романа XVIII века», «Русская лирика XVIII в.» (курс лекций), «Русские повести XVII—XVIII вв.» и много других.

Все научное творчество В. В. Сиповского было объединено единой широкой темой; до последних дней своей жизни он продолжал работу над русским романом. Эрудиция В. В. была колоссальной, материал

по XVIII веку был им проработан богатейший, но, как ни грустно констатировать это мне, его ближайшей ученице, приходится признать, что в настоящее время имя В. В. Сиповского известно лишь литературоведам, труды его почти забыты. Проф. В. В. Сиповский остался одиночкой, школы он не оставил, хотя вокруг него группировались очень преданные и верные ему ученики и ученицы.[14] Надо полагать, что основной причиной устарелости трудов профессора — члена-корреспондента Академии Наук — явилась недостаточная четкость социологического подхода к поступательному движению литературы.

Как профессор Курсов В. В. Сиповский был популярен среди слушательниц, многие ценили тонкость его вкуса. Показательны строки из письма ко мне одной из участниц его семинария (Маликовой[15]); она писала: «Знаете, за что я люблю Сиповского? У него художественное чутье. А отсюда и вдохновение: знаешь, что все, что будешь выкладывать, поймется».

В. В. предоставлял занимающимся у него большую свободу инициативы; он утверждал, что, если человек хочет работать и обладает способностями, его не надо вести на поводу — он сам сумеет найти нужный путь. Не всегда, однако, это положение оправдывало себя; если некоторым полная самостоятельность была по характеру (как было в свое время и со мной), иные, менее уверенные в себе, по неопытности терялись и иногда отходили от работы, разочаровавшись в своих силах.

Не вполне устойчив (в педагогическом отношении) был В. В. во взгляде на научные занятия своих учеников; например, в раннем периоде моей работы под его руководством В. В. как-то писал мне: «Рад за Вас, что не теряете храбрости научной, но прошу, не очень наваливайтесь на науку: капризная штука! Людьми не пренебрегайте, в parties de plaisir участие принимайте. Благословляю Вас!»[16]

Так ему мыслился облик ученого, не уходящего от жизни; таким был он сам: живой, красивый, с умными яркими глазами, остроумный, порой даже с едким юмором (которого некоторые не прощали В<асилию> В<асильеви>чу), радушный хозяин, любивший в застольной беседе затронуть не только научную тему, но и поэзию и театр, любивший хороший смех и шутку...

А порою случалось, что В. В. Сиповский, став старше, начинал проповедовать ученый аскетизм, утверждал, что науке человек должен отдавать себя всего целиком, неодобрительно относился к частому посещению театра или концертов. Но что он всегда неизменно приветствовал и поощрял — это энергию в работе. Вот еще строки из другого его письма, более позднего: «Ваше бодрое, сильное письмо мне очень понравилось, и я его несколько раз в виде поучения читал двум студентам, которые у меня гостят. Давай Вам Бог энергии побольше, работайте, пока молоды».

Переходя в моих воспоминаниях к истории организации нашей кафедры, напомню, что она долгое время была представлена одним лишь профессором И. А. Шляпкиным. В 1903 г. В. В. Сиповский, тогда совсем молодой приват-доцент СПб. университета, был приглашен для чтения лекций на IV курсе ВЖК. В университете он имел дело с небольшой группой студентов (в несколько человек), у нас же впервые выступил перед довольно многочисленной аудиторией. Читал он о Пушкине хорошо, с увлечением, но и с некоторым романтическим пафосом; был скромен, застенчив, и курсистки отнеслись к нему чуть иронически, но тут же забросали вопросами относительно практических занятий. В. В. предоставил право выбирать темы рефератов самостоятельно, и вскоре был прочитан первый реферат слушательницей Кауфман[17] о поэзии Апухтина. Красивая, очень самоуверенная, Кауфман, не смущаясь, иногда даже резковато парировала замечания оппоненток и самого профессора.

Я не могла следить за дальнейшим ходом занятий у В. В. Сиповского, потому что сама работала над рефератом у С. Ф. Платонова,[18] но мысль о новом профессоре крепко меня занимала. Узнав осенью следующего учебного года, что он будет читать на нашем (III-м) курсе общий курс по литературе, я слегка поагитировала своих сокурсниц в пользу молодого профессора, которого они еще не слыхали. У нас встретили его тепло, по окончании первой лекции наградили аплодисментами, и все пошло нормально: В. В. больше не смущался, лекции вызывали интерес, и вскоре он предложил начать практические занятия, наметив несколько тем. Когда я, выбрав тему, обратилась к профессору с просьбой указать необходимую литературу, он назвал мне библиографический указатель Мезиер[19] и порекомендовал самой выбрать оттуда то, что мне нужно. Такой метод предоставления полной инициативы несколько удивил — я привыкла получать от проф. С. Ф. Платонова, у которого в те годы работала, точные директивы, — но понравился.

Получилось как нельзя лучше: реферат («Народность лирики А. К. Толстого») был прочитан, одобрен профессором,[20] но дальнейшего развития наши занятия в том году не получили: начались студенческие волнения, вслед за ними забастовка на Курсах — нормальный ход работы нарушился.[21]

Тем временем у меня установились с В. В., который держал себя очень просто, самые дружеские отношения; мы даже частенько после его лекций возвращались вместе пешком домой (жили в то время недалеко друг от друга)[22] и много беседовали. В результате на следующий уч<ебный> год я решила окончательно переключиться на литературу (склонность к ней у меня была с детства), тем более что С. Ф. Платонов для моего курса занятий не вел.

В. В. выработал план практических занятий, ведущая линия которых была связь русской литературы с западноевропейской; темы,

предложенные для рефератов, относились и к XIX-му и к XVIII векам. Группа занимающихся образовалась значительная; рефераты читались систематически, оппонентки заранее знакомились с материалами или даже с самим рефератом. Как «староста»-секретарь нашей группы, я следила за порядком докладов, знакомилась со всеми, прежде чем вынести их на суд профессора, иногда вносила поправки, которые обычно принимались референткой, помогала в подборе литературы.

Уже в этой первичной стадии моего педагогического опыта мне стало ясно, что многие слушательницы плохо разбираются в материале и после гимназического курса (особенно некоторые провинциальные) нуждаются еще в дополнительной подготовке для того, чтобы написать толковый реферат.

Сама я, выбрав из предложенных В. В. тем Кантемира, решила, ознакомившись с необходимым материалом, работать по первоисточникам; получила разрешение заниматься в рукописных отделениях Публичной библиотеки и Библиотеки Академии Наук и, целыми днями просиживая в архивах, на Курсах бывала лишь в дни лекций и практических занятий В. В. Сиповского.

В 1907 г. окончила Курсы (первая и единственная в тот год по предметной системе, что мне очень было приятно) и была оставлена при кафедре проф. В. В. Сиповского (аналогично современной аспирантуре). Тотчас же с согласия В. В. я взялась за осуществление своего намерения помогать новичкам в подготовке к семинарию (просеминариев по литературе тогда еще не существовало) и организовала занятия, на которых читались нетрудные по темам и материалу рефераты: слушательницы знакомились с мемуарами, письмами и т. п. источниками, давали характеристику их содержания.[23]

Новички охотно откликнулись на мой почин, шли работать и слушательницы постарше, считая такую проработку полезной для занятий в семинарии. Так как некоторые юнцы, однако, стали считать мои занятия обязательными, среди взрослых курсисток раздались голоса, протестующие против моей «самочинности». Дошло до декана — И. М. Гревса, — который запросил В. В. Сиповского, «что такое творится у Глаголевой?» В. В. объяснил сам и рекомендовал мне подать в факультет заявление с подробным изложением цели и порядка моих занятий, что и было сделано.

Заслушав мое заявление, факультет принял его целиком и поручил мне ведение одной группы просеминария — официально, с преподавательской оплатой.

На следующий год я была утверждена постоянной преподавательницей по кафедре новой русской литературы, число групп просеминария было увеличено до 2-х, а в дальнейшем, как потребовала того сама жизнь, и до 3-х (норма просеминария была 40 чел<овек>). Таким образом, мое дерзкое «своеволие» было узаконено. Темами просеми-

нариев были чаще всего авторы XVIII в. или первой четверти XIX в. В силу того, что мне уже было некогда помогать В. В., у него появились новые секретари, в частности, очень дельная В. С. Дороватовская (ныне Любимова)[24] и О. А. Покотилова,[25] в дальнейшем обе участницы нашего сборника «Ломоносов».[26] Секретарь вообще бывала правой рукой руководителя семинария; меня, например, когда я была секретарем, В. В. частенько просил просматривать работы, подававшиеся в письменном виде (всех прочитывать в аудитории не успевали, так как численность семинария была 25—30 чел<овек>), и сообщать ему, годятся ли для зачета; при одобрительном моем отзыве читал работу.

В некоторых случаях приходилось даже отвечать на вопросы слушательниц, какие найдены недостатки, если у профессора не хватало времени беседовать с участницами семинария лично.

Начиная с 1911 г. я вела и семинарий; этот первый мой семинарий (1911—1912 г.), занимавшийся творчеством А. Н. Островского, был самым мною любимым; состав его был очень удачный, работали серьезно, увлеченно, было прочитано несколько талантливых рефератов. Правда, я очень «нянчилась» со своими ученицами, зато ответом мне всегда было трогательно-дружеское тепло и неизменное уважение, хотя я была немногим старше, а в некоторых отдельных случаях даже и моложе своих слушательниц. Кроме рефератов некоторые участницы семинария работали еще над словарем Островского. Словарь не был закончен, и у меня не сохранился этот материал, на который было положено много труда слушательниц. Я провела еще семинарии по лирике Пушкинской эпохи, после Пушкинской, поэтов-эстетиков, по театру XIX в.

Добросовестное и честное отношение курсисток к занятиям сказывалось не только в семинариях, но и в ответах на экзамене, особенно по отделам.[27] За всю мою практику я только один раз столкнулась с небрежным отношением (потому мне и запомнился этот факт), когда сдававшая общий курс слушательница, обнаружившая полное незнание предмета, объясняла это тем, что она-де историчка и сдавать литературу (общий курс литературы был обязателен дополнительно и для историчек) только печальная необходимость. Пришлось поставить «неуд.»... Вероятно, потом она подтянулась, но ко мне на экзамен больше не пришла.[28]

Образцова была постановка работы в семинарии Н. К. Пиксанова; более строгий в оценках, чем В. В. Сиповский, Н. К. был внимателен к каждой мелкой ошибке, зато поощрял способных и усердных участниц семинария, охотно шел навстречу помощью и указаниями.[29]

Общий тон и метод преподавания у Н. К. и у меня был различный: Н. К. всемерно подчеркивал общественное значение того или иного писателя, соответственно подбирая и темы семинариев, у меня же главное внимание бывало обращено на выявление художественной

стороны, на художественную специфику того или другого литературного произведения. Слушательницы выбирали семинарий того или иного руководителя в зависимости от своих склонностей.

В семинариях бывали жаркие споры между референткой и ее оппонентками;[30] у меня это особенно часто случалось в семинарии по Островскому, когда две постоянные противницы — Семенова и Соколова, обе прекрасно работавшие, но совершенно противоположных характеров и точек зрения, разгоряченные, готовы были, казалось, вцепиться друг в друга. Приходилось вмешиваться и примирять расходившихся научных противников![31]

Н. К. Пиксанов возглавил литературный кружок из своих учениц. У меня кружки были на дому, занимались поэтами-символистами. Устраивали вечера со вступительным словом профессора — посвященные Пушкину, Гоголю и другим; на одном из вечеров, посвященном новейшей русской поэзии, небольшой доклад «Любовь в поэзии Блока, Бальмонта и Брюсова» был прочитан мною. Вечера происходили в большом зале, где обычно собирался Совет профессоров и изредка читались лекции профессоров с очень большой аудиторией, напр., Н. А. Котляревского.[32]

Участвовали в программе вечера и слушательницы и преподавательский состав: играл на рояле С. К. Булич, В. В. Сиповский мастерски выступал в сцене Хлестакова с Марией Антоновной (читала я); сцену из «Снегурочки» Островского — Берендей и Купава — исполняли С. К. Булич и я.

Годы 1911—1912 были особенно богаты такими публичными выступлениями. Силами моего семинария, занимавшегося Островским, был организован вечер, где слушательница Семенова повторила свой прекрасный поэтический реферат «Мифологический и психологический моменты в сказке Островского “Снегурочка”». Читались отдельные сцены из произведений Островского, пели арию Леля, исполнялась музыка Чайковского.

Двухсотлетний юбилей М. В. Ломоносова также был отмечен вечером; дать оценку Ломоносова-физика согласился проф. Байков (ф<изико>-м<атематический> факультет), о литературной деятельности Ломоносова должен был читать В. В. Сиповский, но почему-то (сейчас не помню причины) не смог приехать на вечер. Читала доклад ученица В<асилия> В<асильеви>ча В. С. Дороватовская (он был напечатан как статья в сборнике под ред. В. В. Сиповского «Ломоносов»); в художественной части исполнялось много стихотворений, посвященных в разные годы Ломоносову.[33]

Интенсивная широкая деятельность подгруппы русской литературы ослабела в 1914 г.; война направила многих на общественную работу — то ли помощи семьям запасных воинов, то ли в качестве сестер милосердия. На самых Курсах в новом здании был открыт лазарет.[34]

С самого начала введения обязательных практических занятий и тем самым увеличения контингента работающих стала замечаться недостача книг: фундаментальная библиотека не могла обслужить всех нуждающихся в научных пособиях. Мы стали собственными силами сколачивать библиотечку, получившую скоро права гражданства.

Библиотекарем была назначена О. П. Захарьина, были ассигнованы необходимые суммы, и книги стали выдаваться уже и на дом. Мой семинарий Островского приобрел на свои деньги бюст Островского, который был поставлен в читальне для придания ей уюта; в этой тихой комнате заниматься было приятно.[35]

В связи с вопросом о книгах необходимо упомянуть о лицах, не имевших к Курсам непосредственного отношения, но фактически оказывавших большую помощь занимающимся слушательницам. Это был персонал читального зала библиотеки Академии Наук. В самом начале моей курсовой жизни проф. С. Ф. Платонов поговорил по моей просьбе с директором библиотеки академиком А. А. Шахматовым о разрешении мне заниматься в академическом читальном зале. Познакомившись лично с акад. Шахматовым, я смогла даже брать книги на дом: он сам подписывал бланки выдаваемых мне книг. А. А. Шахматов был человек исключительно приветливый в обращении, деликатный, готовый на всякие добрые услуги, образцовый и опытный редактор журнала «Известия Академии Наук».[36]

Так как я вполне освоилась в библиотеке (получала книги еще и в журнальном и в славянском отделах), была в прекрасных отношениях с заведующей читальным залом Ант<ониной> Бор<исовной> Ламбиной[37] — строгим, но справедливым человеком, — то, сделавшись преподавательницей, стала сама направлять с рекомендацией в читальню своих слушательниц. Давали рекомендательные записки и другие профессора, но с бóльшим выбором; я же, не забывая, как отнесся ко мне, совершенно еще ему незнакомой первокурснице, С. Ф. Платонов (до конца его жизни глубоко мною уважаемый и ныне вспоминаемый с благодарностью), направляла к Ант<онине> Бор<исовне> всех, кому действительно были необходимы книги для работы. Ант<онина> Бор<исовна> шутила, что из моих визитных карточек с рекомендациями она составит целый том; я верила, что никто из курсисток меня не подведет, и так оно и получалось на деле. А помощь нашим семинаркам была от этого читального зала огромная!

Больше полувека прошло с тех пор, как я оставила работу на ВЖК; теперь это уже история, но индивидуально связанная с большими светлыми воспоминаниями. И теперь я не боюсь показаться сентиментальной и вызвать снисходительную улыбку, если закончу свои воспоминания, посвященные участницам моего семинария, несколь-

ко наивными стихами, написанными мной в 1912 г. и которые, разумеется, так и остались неизвестными тем, кому были посвящены.

В аудитории

Моим слушательницам

Сколько светлых и карих внимательных глаз
Под защитой воздушных девичьих ресниц!
Сколько бойких, наивных иль вдумчивых лиц,
Как люблю безгранично и нежно я вас!

Я люблю вас как мать, как сестра и как друг,
Я вдохну в вас свою золотую мечту,
Научу понимать и ценить красоту,
Увлеку в заповедный таинственный круг.

И пусть в жизни грядущей, в безвестные дни,
Так же ярко горят огоньки этих глаз,
Как теперь, в наш вечерний задумчивый час,
Ненаглядные, славные дети мои!

1961 г. Москва.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 5 («Материалы о ВЖК»). Машинопись (не 1-й экземпляр) с авторскими исправлениями; неполный экземпляр (отсутствуют л. 6 и 7). Утраченный текст восстановлен по хранящейся там же черновой рукописи. В конце рукописи дата: 9/II 61.

[2] Здесь в тексте оставлен пропуск — вероятно, для вставки библиографической ссылки. Имеется в виду статья «Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира».

[3] *Фаусек Виктор Андреевич* (1861—1910) — зоолог, энтомолог; преп. ВЖК (1897) и С.-Петербургского университета (1892—1899); в 1905 г. был избран директором и оставался в этой должности до своей неожиданной смерти летом 1910 г. См.: Памяти В. А. Фаусека: сборник, изданный слушательницами Высших женских курсов. СПб.: тип. АО Брокгауз—Ефрон, 1911. Бюст В. А. Фаусека, изготовленный на средства, собранные слушательницами, в 1912 г. был установлен в актовом зале ВЖК.

[4] *Щерба Лев Владимирович* (1880—1944) — лингвист; преп. ВЖК (1909) и С.-Петербургского университета (1909); впоследствии член-корр. АН (1924), академик (1943).

[5] *Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович* (1845—1929) — лингвист; преп. ВЖК (1907) и С.-Петербургского университета (1900).

[6] Имеется в виду изд.: *Шляпкин И. А.* Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб.: ОЛДП, 1898. (Памятники древней письменности и искусства; 128). История русского театра была одной из любимых тем Шляпкина, он читал по ней специальные курсы на ВЖК и в университете, тема была утверждена как «специальный отдел», экзамен по которому зачитывался для групп русской филологии ВЖК. Театром Петровского времени Шляпкин занимался до последних дней жизни; после его смерти выявленные и подготовленные им тексты были опубликованы: Старинные действа и комедии Петровского времени / извлечены из рукопи-

сей и приготовлены к печати И. А. Шляпкиным. Пг.: Академ. 12-я гос. тип., 1921. (Сборник отделения русского языка и словесности Российской академии наук; т. 97, № 1); исследование, к сожалению, утрачено. О своей научной работе Шляпкин писал в 1907 г.: «<...> думаю, что в ученом отношении разменялся на мелочи, но предполагаю самоуверенно, что и сие когда-нибудь и кому-нибудь пригодится» (*Шляпкин И. А.* Для немногих: автобиографическая заметка. СПб.: тип. Мартынова, [1907]. С. VIII). И. А. Шляпкин в 1891 г. защитил магистерскую диссертацию «Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.)»; в 1907 г. Харьковский университет присвоил ему звание доктора русской словесности honoris causa.

[7] Описание белоостровской усадьбы И. А. Шляпкина см.: *Горчинский П. А.* Библиофильский уголок в Белоострове // Вестник литературы. СПб., 1916. № 9/10. Стб. 162—168. Шляпкин регулярно принимал гостей, в том числе студентов университета и слушательниц ВЖК, с удовольствием показывал свои собрание древностей и библиотеку; по-видимому, Глаголева побывала в Белоострове с одной из таких экскурсий, однако подробности неизвестны. Наиболее многолюдное посещение состоялось в мае 1912 г. после чествования Шляпкина в университете и на ВЖК по случаю 30-летия его учено-педагогической деятельности. Подробное описание этой поездки содержится в дневнике Е. П. Казанович (ОР РНБ, ф. 326, ед. хр. 18, л. 18—33); см. также: *Грачева А. М.* Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 158—169. В записи Казанович есть и пересказ его устной новеллы об украденном деревянном Христе, с незначительными отличиями от версии Глаголевой (л. 23—23 об.). Особенный диван упомянут в очерке «Пир во время чумы» часто бывавшей в Белоострове К. М. Милорадович: «Между полками с книгами расположился большой письменный стол Ш<ляпки>на, принадлежавший некогда Надеждину, т. к. большинство вещей Ш<ляпки>на представляли собою литературные реликвии. Тут же находилось его удобное кресло, хорошо охватывавшее обширную фигуру хозяина, и небольшой, но глубокий диван “самосон” для послеобеденного отдыха» (*Милорадович К. М.* У меня есть моя истина... С. 140). Слово «самосон» («диван-самосон» очевидно сходен со сказочными скатертью-самобранкой и ковром-самолетом) могло быть почерпнуто Шляпкиным из литературы. См.: «После обеда мы отправились пить кофе в гостиную, где стоял столь часто упоминаемый Тургеневым широкий, времен Империи, диван *самосон*, едва ли не единственная мебель в Спасском с пружинным тюфяком» (*Фет А. А.* Мои воспоминания, 1848—1889. М.: тип. А. М. Мамонтова, 1890. Ч. 1. С. 7; курсив автора). Приведенные Глаголевой слова Шляпкина — точная цитата из былины о Садке. Ср.:

«Стал Садке поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садке все по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе месяц — и в палатах месяц,
На небе звезды — и в палатах звезды»
(Новгородские былины. М.: Наука, 1978. С. 150).

[8] *Шамбинаго Сергей Константинович* (1871—1948) — историк русской словесности, фольклорист; жил и работал в Москве; сведений о его преподавании на ВЖК не имеется. Т. М. Глаголеву подвела память: семинарий на ВЖК по «Слову о полку Игореве» вел *Дмитрий Иванович Абрамович* (1873—1955) — историк русской литературы; был принят на ВЖК в 1910 г., после изгнания из С.-Петербургской духовной академии.

[9] *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855—1920) — историк литературы; преп. ВЖК (1910) и С.-Петербургского университета (1897—1899, 1906—1920).

[10] *Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич* (1853—1920) — историк литературы и общественной мысли, а также религии и мифологии; преп. ВЖК (1907) и С.-Петербургского университета (1910—1911). Упомянутый ниже курс по истории мифологии Овсянико-Куликовский читал на ВЖК в 1910—1911 гг. См. о нем: *Казанович Е. П.* Д. Н. Овсянико-Куликовский на Бестужевских Курсах // Начала. 1922. № 2. С. 21—35.

[11] Здесь, а также в ряде случаев ниже Т. М. Глаголева вместо общеупотребительного в дореволюционной практике слова «семинарий» написала советское «семинар» (ставшее, видимо, привычным по рассказам мужа-преподавателя и пасынка-студента). Впоследствии почти все машинописные «семинары» она исправила от руки на «семинарии»; мы произвели ту же правку в единичных случаях, ускользнувших от внимания Глаголевой при редактировании текста.

[12] О деятельности пушкинского семинария С. А. Венгерова на ВЖК см.: Пушкинист: историко-литературный сборник / под ред. проф. С. А. Венгерова. Пг., 1916. Вып. 2. С. XVI, 272—281; Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1923. С. XVII—XVIII. Т. М. Глаголева не занималась у С. А. Венгерова как преподавателя, но имела опыт работы с ним как с редактором. В 1912 г. планировалось переиздание сборника: «Русская поэзия» (СПб., 1897), первый (и единственный вышедший) том которого (в 6 вып.) был посвящен поэзии XVIII в.; подготовку текстов А. Д. Кантемира, а также вступительную заметку и комментарии, Венгеров заказал Глаголевой. Переиздание не состоялось. Спустя полтора года, весной 1914 г., Венгеров, уже как редактор литературного отдела «Нового энциклопедического словаря» издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, попросил Глаголеву переработать написанную заметку в словарную статью, что она и сделала. См. письма Глаголевой к Венгерову: РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 4, ед. хр. 663, л. 1—9.

[13] «В молодости В. В. играл в любительских спектаклях; он прекрасно декламировал, писал стихи и стихотворения в прозе; когда под конец жизни он прекратил чтение лекций в университете, выйдя на пенсию, В. В. под псевдонимом писал небольшие повести и рассказы, один из которых был даже премирован на литературном конкурсе» (*примеч. Т. М. Г.-Б.*). О литературном творчестве В. В. Сиповского, в том числе о романах «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» (Л., 1929) и «Коронка в пиках до валета: тайна одной промышленной компании» (Л., 1930), опубликованных под псевдонимом «В. Новодворский», см.: Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 615—617 (статья А. Ю. Веселовой).

[14] Ср.: «Сиповский не создал, однако, школы <...>. Из учеников его следует указать Т. М. Глаголеву-Берхен (1885—1962), О. Н. Покотилову, Е. Грешищеву и других, работы которых объединены в сборнике статей под ред. В. В. Сиповского "1711—1911. М. В. Ломоносов" (СПб., 1911). <...> Из перечисленных выше лиц только Т. М. Глаголева-Берхен продолжала в дальнейшем заниматься исследованием литературы XVIII в. <...>» (*Берков П. Н.* Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л.: ЛГУ, 1964. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII века. С. 154—155).

[15] *Маликова Александра Петровна* (1889—?), выпускница ВЖК (1914; ист.-фил.; русская филология, литература).

[16] Partie de plaisir — увеселительная прогулка и, шире, вообще любое предприятие ради легкого времяпрепровождения (*фр.*); выражение неоднократно исполь-

зовалось в русской беллетристике, в частности, в «Войне и мире» Л. Н. Толстого и «Убежище Монрепо» М. Е. Салтыкова-Щедрина. См.: *Бабкин А. М.*, *Шендецов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. М.; Л.: Наука, 1966. Кн. 2. С. 986—987. Процитированное письмо от В. В. Сиповского в архиве Т. М. Глаголевой не обнаружено.

[17] *Кауфман София Августовна* (1879—?), выпускница ВЖК (1908; ист.-фил.).

[18] С. Ф. Платонов был чрезвычайно загружен в различных учебных заведениях; с 1902 г. эти нагрузки увеличились административными обязанностями по Женскому педагогическому институту, в организации которого он принимал самое деятельное участие, а сразу по открытии (в 1903 г.) занял должность директора. Поэтому практические занятия под его руководством на ВЖК имели специфический характер: «По русской истории в 1903—1904 учебном году профессор Платонов ограничивался чтением общего курса, а практическими занятиями не руководил. Тем не менее, два кружка слушательниц просили его указаний и вели необязательные занятия по разработке различных тем. При этом три доклада, относящиеся к истории городского населения в России в XVII—XVIII вв. были слушательницами прочитаны в этом учебном году, а прочие рефераты отложены до осени 1904 года» (*Отчет ВЖК 1903—1904. СПб., 1905.* С. 81).

[19] Вероятно, имеется в виду изд.: *Мезьер А. В.* Русская словесность с XI по XIX столетия включительно: библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой: книги и журнальные статьи: в 2 ч. СПб.: тип. А. Пороховщикова, 1899—1902.

[20] Ср.: «Профессор В. В. Сиповский читал на III курсе историю русской литературы XIII—XVIII вв. и историю народной словесности. Из тем, представленных для рефератов, взято было десять, но обработаны и доложены пять: 1) Лирика А. Толстого, 2) Герцен и его личность, 3) Любовь в народных песнях, 4) Индивидуализм в сочинениях Достоевского, Горького и Андреева и 5) Лирика Апухтина» (*Отчет ВЖК 1903—1904. СПб., 1905.* С. 79).

[21] О волнениях на ВЖК в весеннем семестре 1904 г., спровоцированных поспешным верноподданническим адресом, составленным администрацией курсов от имени профессоров и слушательниц по случаю объявления войны с Японией, см.: *Стриевская С. И.* Участие бестужевок в революционном движении // *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 45—48; см. также: *Бухановская Е. Я.* 1902—1907 годы на Бестужевских курсах // *ВЖК. Сб. статей. 2-е изд.* С. 236—238.

[22] Согласно адресным книгам «Весь Петербург», В. В. Сиповский до 1907 г. жил на Загородном пр., д. 26; Т. М. Глаголева в 1906—1907 гг. — в Гусевом пер. (теперь пер. Ульяны Громовой), д. 3; в справочниках 1901—1905 гг. ее адрес отсутствует.

[23] Е. П. Казанович в дневнике записала слышанный ею весной 1912 г. разговор двух первокурсниц в столовой ВЖК о неких рефератах:

«— Написали? — спросила та.

— Накатала! Сегодня вечером читать буду.

— Сколько времени вы его писали? Я свой в неделю приготовила.

— Ну, я в два часа. Три часа читала, а два писала, всего пять часов ушло на него. Боюсь только, что у меня одни стихи, весь реферат из стихов.

— Это ничего: у меня тоже были одни стихи; об нем нельзя ж писать без стихов, нужны цитаты.

— Вот еще плохо, — недовольно отзывается моя соседка, — она не указала никаких пособий, так что мне не с чего было списывать, пришлось все от себя выдумывать.

О ком был реферат, кто была эта “она”, не хотевшая указать пособий, — не знаю; думаю, не в просеминарии ли Глаголевой было дело, такими рефератами, верно, особенно богат ее просеминарий. Однако надо сознаться, что подобное отношение курсисток к работе не исключительный случай, а обычная, характерная для большинства вещь. Рефераты курсисток — в большинстве те же гимназические сочинения, а отношение к своему делу — чисто школьное, полудетское, полу просто недобросовестное» (ОР РНБ, ф. 326, ед. хр. 18, л. 7 об.—8; запись от 25 апр. 1912 г.).

[24] *Дороватовская-Любимова Вера Сергеевна* (1888—1955), выпускница ВЖК (1915; ист.-фил.; русская филология, литература) — впоследствии литературовед, литературный критик.

[25] *Покотилова Ольга Александровна* (1889—?), выпускница ВЖК (1912; ист.-фил.; русская филология, литература).

[26] М. В. Ломоносов, 1711—1911: сб. статей / под ред. В. В. Сиповского. СПб.: Изд-во Я. Башмаков и К° в Петербурге, 1911. 3, 187 с. В предисловии «От редактора» В. В. Сиповского говорится: «Сборник этот составлен из статей моих слушателей по Императорскому С.-Петербургскому университету и слушательниц по Высшим женским курсам (Бестужевским). Под моим руководством составился кружок лиц, интересующихся русской литературой XVIII-го века: я сосредоточил их интересы около одного лица, Ломоносова, и объединил будущих участников сборника приблизительно одинаковым пониманием личности Ломоносова и его исторического значения. Наметив темы, соответствующие индивидуальности каждого из участников сборника и сделав им самые общие указания, я предоставил каждому работать вполне самостоятельно. Очень сожалею, что в состав сборника не вошли по разным причинам еще другие предполагаемые статьи: “Ломоносов как гражданин”, “Л-в как драматург”, “Л-в как историк” и “Л-в в ряду западноевропейских поэтов”» (с. [1]). В сборник вошли статьи: *Попов А.* Наука и религия в миросозерцании Ломоносова; *Тукалевский Вл.* Главные черты миросозерцания Ломоносова (Лейбниц и Ломоносов); *Дороватовская В.* О заимствованиях Ломоносова из Библии; *Покотилова О.* Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII-го и начала XVIII-го столетия; *Грешищева Е.* Хвалебная ода в русской литературе XVIII в.; *Глаголева Т.* Отзывы современников и потомства о литературной деятельности М. В. Ломоносова. В воспоминаниях И. В. Егорова (мужа бывшей ученицы Глаголевой Т. И. Немчиновой) ее роль несколько преувеличена: «Через Сиповского я познакомился еще с одним знатоком русской литературы XVIII века, преподавательницей высших женских Бестужевских курсов Татьяной Матвеевной Глаголевой. Уже тогда ей принадлежало несколько трудов о творчестве одного из самых крупных поэтов начала XVIII века, князя Антиоха Кантемира. Сиповский поручил Татьяне Матвеевне подготовить сборник в честь 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова, торжественно отмечавшегося в 1911 году» (*Егоров И. В.* От монархии к Октябрю: воспоминания. Л.: Лениздат, 1980. С. 110—111).

[27] «Каждая слушательница группы русской филологии, подотдела литературы, сдавала экзамены по общему курсу и — значительно более углубленные — по тому или иному отделу из числа предложенных профессором» (*примеч. Т. М. Г.-Б.*).

[28] Ср. взгляд на сходную ситуацию с другой стороны экзаменационного стола: «Другим затруднением для всех историчек был <...> экзамен по языковедению, который, несмотря на курсовую систему, был обязателен для историчек. Предмет, специальный и трудный, надо было подготовить по каким-то литографированным запискам. Мы, наивные исторички, считали ниже нашего достоинства тратить время на подготовку этого курса: было принято за правило в критический момент сообщить профессору, что “мой ум не настроен филологически”. Как это ни стран-

но, но это нас часто спасало, в том числе и меня. Милый, умный Бодуэн-де-Куртенэ!» (*Шпилиотова К. А.* Тени прошлого // *Наша дань*. С. 139). Автор — *Шпилиотова Кира Андреевна* (урожд. Нилус; 1888 или 1890 — не ранее 1971), выпускница ВЖК (1914; ист.-фил., всеобщая история), ученица Л. П. Карсавина.

[29] См.: *Трифонов Н.* Семинарии Пиксанова // Вопросы литературы. 1979. № 5. С. 307—310; *Кислина М. С.* «Пушкинская студия» (1921) Н. К. Пиксанова: из истории жанра «семинария» в отечественной университетской традиции // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 47—49.

[30] «В моих просеминариях и семинариях секретари вели протоколы занятий; не знаю, было ли это принято у Ник<олая> Кир<ьяковича>» (*примеч. Т. М. Г.-Б.*).

[31] Ср.: «Под руководством препод. Т. М. Глаголевой происходили занятия со слушательницами в одной семинарской группе (40 чел.) <...>. Семинарий работал над изучением творчества А. Н. Островского и его современников в области русской драматургии. Слушательницы проявляли большой интерес к занятиям, и прения после прочтения рефератов проходили очень оживленно. Всего было разработано 15 тем, причем по самостоятельности и вдумчивости особенно выделились рефераты слушательниц Семеновой («Мифологический и психологический момент в сказке Островского “Снегурочка”»), Гречихиной («Театральный быт в произведениях Островского»), Колесовой («Иван Грозный в обрисовке Мея, Ал. Толстого и Островского») и Поповой («Тургенев как драматург»). Кроме чтения рефератов часть слушательниц работала над составлением “словаря” Островского. Ввиду исполнившегося 25-летия со дня кончины А. Н. Островского семинарием было устроено открытое заседание, посвященное его памяти (на этом заседании были прочитаны реферат слушательницы Семеновой и ряд отрывков из произведений А. Н. Островского), и приобретен бюст писателя, пожертвованный ныне в читальню филологического семинария» (*Отчет ВЖК 1911—1912. СПб., 1913*. С. 81—82). Названы, вероятно, *Семенова Вера Константиновна* (1887—?), выпускница ВЖК (1914; ист.-фил.; русская филология, литература). В тот же год по той же группе и подгруппе окончили ВЖК 3 слушательницы по фамилии *Соколова: Анна Павловна* (1891—?), *Вера Викториновна* (1890—?) и *Ольга Сергеевна* (1889—?); возможно, имеется в виду одна из них.

[32] *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — историк литературы; преп. ВЖК (с 1890 г., с перерывами) и ряда других учебных заведений; почетный академик по разряду изящной словесности (1906), академик (1909); первый директор Пушкинского Дома.

[33] Ср.: «Тем же семинарием <под руководством Т. М. Глаголевой> было организовано чествование памяти М. В. Ломоносова по случаю исполнившегося 200-летия со дня его рождения, состоявшееся на Курсах 19-го ноября 1911 г.: речи на чествовании были произнесены профессорами А. А. Байковым и С. К. Буличѳм и преподавательницей Т. М. Глаголевой; реферат был прочитан слушательницей Дороватовской (“Влияние Священного Писания на поэзию Ломоносова”)» (*Отчет ВЖК 1911—1912. СПб., 1913*. С. 82). *Байков Александр Александрович* (1870—1946) — химик, металлург; преп. ВЖК (1907) и СПб. Политехнического института; впоследствии член-корр. АН (1928), академик (1932).

[34] Летом 1914 г. Общество для доставления средств ВЖК закончило постройку нового здания, в котором должен был расположиться Физико-химический институт ВЖК им. В. П. Тарновской; здание располагалось по адресу: Средний проспект, д. 41, и было соединено переходом внутри квартала со зданиями ВЖК по 10-й линии. После начала Первой мировой войны Общество предоставило здание городу для устройства в нем лазарета. Лазарет был открыт в декабре 1914 г., его содержа-

ние в значительной части взяло на себя Общество для доставления средств ВЖК. Не остались в стороне и сами курсы: «<...> лазарет в новом здании Высших Женских Курсов не явился учреждением для них чуждым. К работе в лазарете, попечителем которого был избран Председатель Комитета <Общества для доставления средств> проф. С. Е. Савич, примкнули педагогический и служебный персонал Курсов, слушательницы, члены Комитета и многие лица, так или иначе связанные с Курсами. Весьма ценным для лазарета явилось участие в деле специалистов. Персонал химич<еской> лаборатории принял на себя ведение дела в аптеке, в рентгеновском кабинете работали курсовые физики, причем для кабинета были предоставлены имевшиеся на Курсах аппараты. И для всех других отраслей дела в лазарете: хозяйства, канцелярии, патроната, устройства занятий и развлечений раненым — работники нашлись на Курсах» (*Отчет ВЖК 1914—1915. Пг., 1916*. С. 20).

[35] Ср.: «Управление семинариями устроено было таким образом. Каждый из них поставлен был под научно-учебное общее высшее руководство одного из профессоров соответствующего предмета, который и должен был при помощи своих ближайших коллег устанавливать списки приобретаемых книг и других пособий, вырабатывать порядок пользования семинарскими библиотеками и правила функционирования читален. В качестве помощников их избраны были факультетом для текущего наблюдения за жизнью исторического семинария преподавательница Н. С. Враская, для филологического — оставленная при Курсах Т. М. Глаголева и для музея искусств — преподавательница А. А. Константинова. Для ведения хозяйственной части всех историко-филологических семинарий <так!> приглашено было особое лицо: окончившая СПБ Высшие Женские Курсы О. П. Захарьина. На обязанности ее лежало много кропотливого и хлопотливого, очень ответственного дела по выписке книг и пособий, ведению отчетности, книг и инвентарей и забота о внешнем порядке помещений. Выполняя с полною своевременностью и точностью все указанные обязанности, она по собственной инициативе взяла на себя много и других важных дел: она общалась непосредственно с многочисленными работающими в семинариях слушательницами, оказывала им разнообразную помощь при выписке и доставлении книг, облегчала им сношения с руководителями семинариев, вообще, вносила в слагающийся быт семинариев объединяющую струю дружной взаимопомощи. Ею же с большим успехом привлечены к содействию при осуществлении работы в семинариях представительницы от индивидуальных занимающихся групп слушательниц. Последние, являясь выразительницами интересов семинариев, руководимых отдельными профессорами, давали материал для удовлетворения их назревавших нужд и несли на себе большой и непрерывный труд по дежурству в библиотеках и читальнях. Так<им> обр<азом>, согласным сотрудничеством различных категорий людей, причастных к семинариям, жизнь их потекла энергично, правильно и споро» (*Отчет ВЖК 1908—1909. СПб., 1910*. С. 79—80). *Захарьина Ольга Павловна* (1869—1961), выпускница ВЖК (1900; ист.-фил.) — заведующая библиотеками семинариев историко-филологического факультета ВЖК (1908), переводчица; с 1923 по 1953 г. сотрудница РНБ (в том числе во время блокады Ленинграда). См.: Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: биографический словарь, т. 1—4 (электронная версия) // URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=767 (дата обращения: 07.11.2023) (статья О. С. Острой, М. Д. Эльзона).

[36] *Шахматов Алексей Александрович* (1864—1920) — академик, председательствующий в Отделении русского языка и словесности АН; с 1899 г. исполнял обязанности директора I (Русского) отделения Библиотеки Академии наук. Ср. в дневнике Е. П. Казанович: «Известно, какие облегчения делает А. А. <Шахматов>

в библиотеке всем, кто только к нему обращается, учащимся же и начинающим ученым в особенности; известно то доверие и охотность, с какими он дает свое поручительство для получения на дом книг почти всякому.

Недавно я услышала, что в первое время своего заведывания книжными делами Академии он давал из склада бесплатно академические издания всем, кто заявлял, что работает над таким-то вопросом и имеет нужду в таких-то сочинениях, а уж о его собственных книгах и говорить нечего. Прошлый раз библиотекарша рассказывала, что у них был один экземпляр летописей с примечаниями Шахматова, и этот экземпляр постоянно брался на дом, так что в читальном зале его можно было получить только с трудом, урывками. Когда она обратилась к А. А. с просьбой запретить выдавать его на дом, т. к. интересы читального зала (справедливо, конечно) должны перевешивать, А. А., ни слова не говоря, принес еще один или два экземпляра специально для читального зала.

Так и во всем он дает реальную помощь, не ограничиваясь одними благими пожеланиями. <...> Много, конечно, хороших людей на свете, и многие помогают другим в нужде, но это в большинстве случаев делается мимоходом, как случится, если при этом не надо затрачивать много беспокойства и хлопот; многим, в сущности, очень мало дела до тех, кому они помогают, до мелочей их жизни, и помощь в таком случае является скорее для собственного спокойствия, или вследствие минутного доброго движения сердца, А. А. же доходит до глубины и помогает потому, что хочет помогать, что надо помогать, серьезно и сознательно» (ОР РНБ, ф. 326, ед. хр. 18, л. 70 об.—72; запись от 4 июля 1912 г.).

[37] *Ламбина Антонина Борисовна* (1860—1914) — сотрудница БАН с 1887 г., с 1912 г. — заведующая читальным залом. См.: Руководители и сотрудники Библиотеки РАН XVIII—XIX вв. СПб.: BODlib, 2006. С. 24.

Эпизод из воспоминаний[1]

В 1908 г. ист<орико>-фил<ологическим> фак<ульте>том ВЖК была организована экскурсия с участием профессоров в Новгород для осмотра его достопримечательностей.[2] После того, как я побывала в числе экскурсантов в Новгороде, я много рассказывала о виденном моим просеминаркам, и у нас возникла мысль поехать туда весной (1909 г.) небольшой группой. Одна из слуш<ательни>ц В. В. Сиповского — Е. Н. Грешищева[3] (впоследствии один из авторов сборника «Ломоносов» под ред. Сиповского), сама новгородка, поехав домой на каникулы, договорилась с Новгородской женской гимназией, в кот<орой> она училась до Курсов, предоставить нашей группе помещение для ночевки в гимназии.

Поехали мы группой человек в 10; целыми днями носились по городу, вечерами отдыхали в гимназии — игра на рояли, мелодекламация, кот<орой> я в ту пору особенно увлекалась, и потому захватила с собой, по просьбе моих учениц, ноты. Е. Н. Грешищева пристроила к нам и знакомого экскурсовода, но многое осматривали и самостоятельно, чтоб не стеснять себя временем и определенными рамками. Погода стояла дивная, и для осмотра храма Спаса Нередицы, находившегося на острове, — изумительного памятника древней русской

архитектуры (XII в.) с особым секретом исключительной акустики,[4] — мы поехали по Волхову на лодке. Случился тут и инцидент, напугавший немножко моих учениц. Когда после тщательного осмотра храма мы направились к берегу, монах-сторож, пьяный, не получив от нас на чай, погнался за нами с руганью. Я скомандовала быстрее садиться в лодку и попросила лодочника сейчас же отчаливать. Монах добежал до берега, когда мы уже плыли, и долго еще стоял, изрыгая всевозможные проклятия и насылая божьи кары на моих путешественниц. Мы заехали в Юрьев монастырь,[5] в ведении которого была Спасо-Нередица, я пожаловалась архиерею на поведение пьяного монаха и просила его как-нибудь приструнить, чтобы такие казусы не повторялись в будущем. Архиерей, бывший офицер,[6] чрезвычайно галантный, обещал наказать провинившегося, но... прибавил к этому, что эти монахи-сторожа страшно распущены и избалованы чаевыми. Таковы были порядки!..

Наша экскурсия длилась три дня, и в целом все остались очень ею довольны, унося с собой из Новгорода много незабываемых, красочных впечатлений.

Т. Глаголева.

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 723, папка 5 («Материалы о ВЖК»). Рукопись.

[2] Легендарная экскурсия слушательниц ВЖК в Новгород под руководством И. А. Шляпкина и Н. П. Раева состоялась в мае 1900 г. (см.: *Отчет ВЖК 1899—1900. СПб., 1901*. С. 89). Опыт оказался настолько удачен, что впоследствии экскурсии неоднократно повторялись, с разными научно-образовательными целями и под руководством разных профессоров, но всегда с неизменным успехом. Рассказы о поездках в Новгород сохранились в воспоминаниях К. М. Милорадович (*Милорадович К. М.* У меня есть моя истина... С. 137—139), дневниках Е. П. Казанович (ОР РНБ, ф. 326, ед. хр. 18, л. 3—4) и других источниках. Некая экскурсия в Новгород под руководством проф. Д. В. Айналова (история искусств) упоминается в воспоминаниях К. А. Нилус-Шпилиотовой (*Шпилиотова К. А.* Тени прошлого // *Наша дань*. С. 141; год экскурсии мемуаристка не указала, но, судя по контексту, ее можно отнести к 1907—1910 гг.).

[3] *Грешищева Екатерина Николаевна*, выпускница ВЖК (1911; ист.-фил.; русская филология, литература) — родилась в Новгороде, окончила Новгородскую Николаевскую женскую гимназию, в которой должность врача занимал ее отец Н. Е. Грешищев; после окончания ВЖК была оставлена В. В. Сиповским при курсах по кафедре русской литературы; впоследствии вернулась в Новгород и преподавала в родной гимназии.

[4] «Гитлеровцами храм был совершенно разрушен» (*примеч. Т. М. Г.-Б.*). Имеется в виду церковь Преображения Господня на горе Нередице, построенная в конце XII в. В 1950-е гг. церковь была восстановлена.

[5] Юрьев (Свято-Юрьев) мужской монастырь; основан в XI в.

[6] *Архимандрит Анатолий* (в миру Георгий Яковлевич Юнгер; 1861—1912) после окончания гимназии учился на естественнонаучном отделении физ.-мат. факультета С.-Петербургского университета, а затем служил в армии в офицерском чине; после окончания Московской духовной академии (1893) занимал должно-

сти преподавателя в различных духовных училищах и семинариях, а с 1900 г. — настоятеля в различных монастырях. На должность настоятеля Новгородского Юрьева монастыря архимандрит Анатолий был перемещен 27 февр. 1909 г. См.: Анатолий (Юнгер) // Древо: открытая православная энциклопедия. URL: https://drevo-info.ru/articles/13680117.html (дата обращения: 08.11.2023).

Библиографический список

1. *Архипова Л. П.* Обзор архивных материалов XIX—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы за 1972—1973 гг.: новые фонды // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976.
2. *Берков П. Н.* Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л.: ЛГУ, 1964. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII века.
3. Бестужевка в цифрах = Bestuževki en chiffers: к 130-летнему юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878—1918 гг.) / сост. О. Б. Вахромеева. СПб.: ИЦ «Академия», 2008.
4. *Вахромеева О. Б.* Их дань Бестужевским курсам: (объединенная деятельность бывших бестужевок в 50—70-е годы XX века). СПб.: Лема, 2015.
5. *Вахромеева О. Б.* Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878—1918): со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: к 140-летию Бестужевских курсов. М.: РОССПЭН, 2018.
6. *Вахромеева О. Б.* Университетский музей в СПбГУ как хранитель памяти о Бестужевских курсах // Вопросы музеологии. 2016. № 2 (14).
7. Венеция в русской поэзии: опыт антологии, 1888—1972 / сост. А. Л. Соболев, Р. Д. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
8. *Востриков А. В.* Евлалия Павловна Казанович и ее «Записки о виденном и слышанном» // История отечественной культуры в архивных документах: сб. статей. СПб.: РНБ, 2021. Вып. 2.
9. *Востриков А. В.*, *Грачева Е. Н.* Reservatio mentalis, или И. М. Гревс и И. А. Шляпкин в 1899 г. // Сборник памяти Елены Владимировны Душечкиной. СПб.: Нестор-История, 2022.
10. *Востриков А. В.*, *Панченко Е. З.* Историк Мария Андреевна Островская // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3 (31).
11. *Глаголева Т. М.* К жизнеописанию князя Потемкина: повесть о Гардарике, князе Цимбрском // Русский архив. 1910. Кн. 2, вып. 5.
12. *Глаголева Т. М.* К литературной истории сатир кн. А. Д. Кантемира: влияние Буало и Лабрюйера // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1913. Т. XVIII, кн. 2.
13. *Глаголева Т. М.* Кантемир Антиох Дмитриевич // Новый энциклопедический словарь / изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1913. Т. 20.
14. *Глаголева Т. М.* Ломоносов как гражданин // Филологические записки. 1915. № 2.
15. *Глаголева Т. М.* Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. Т. XI, кн. 1—2; также отд. отт.: СПб., 1906.
16. *Глаголева Т. М.* Раб, эллин и жрец: В. Г. Бенедиктов, Н. Ф. Щербина, А. А. Фет // Русская мысль. 1917. Кн. 2.

17. *Глаголева Т. М.* Сатиры кн. А. Д. Кантемира и русский быт первой половины XVIII века // Филологические записки. 1914. Вып. 3—4.
18. *Гордеев П. Н.* Ф. П. Купчинский — уполномоченный Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по делам бывшей Придворной конюшенной части и бывшего Гаража его величества // Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: международная научная конференция «Таврические чтения 2012». СПб.: ЭлекСис, 2013. Ч. 2.
19. *Горчинский П. А.* Библиофильский уголок в Белоострове // Вестник литературы. СПб., 1916. № 9/10.
20. *Грачева А. М.* Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46.
21. Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. Т. 5: Социал-демократы, 1880—1904, вып. 2: В — Гм. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1933.
22. *Егоров И. В.* От монархии к Октябрю: воспоминания. Л.: Лениздат, 1980.
23. Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: труды, документы, воспоминания / сост., автор статьи и коммент. А. В. Вострикова. СПб.: СПбГУ, 2014.
24. Илья Александрович Шляпкин в зеркале своих корреспондентов: письма А. А. Громова, 1904—1918 гг. [Ч. 1] / вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. В. Вострикова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Росток, 2020.
25. *Казанович Е. П.* Д. Н. Овсянико-Куликовский на Бестужевских Курсах // Начала. 1922. № 2.
26. *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений / вступ. ст. Ф. Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л.: Советский писатель, 1956 (вып. дан. 1957). (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).
27. *Кислина М. С.* «Пушкинская студия» (1921) Н. К. Пиксанова: из истории жанра «семинария» в отечественной университетской традиции // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 4.
28. М. В. Ломоносов. 1711—1911: сб. статей / под ред. В. В. Сиповского. СПб.: Изд-во Я. Башмаков и К° в Петербурге, 1911.
29. *Милорадович К. М.* У меня есть моя истина...: избранное / сост. Н. Х. Орловой; коммент. Н. Х. Орловой, А. В. Вострикова. СПб.: Парадигма, 2020.
30. Наша дань Бестужевским курсам: воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж: изд. «Объединения б. бестужевок за рубежом», 1971.
31. Памяти В. А. Фаусека: сборник, изданный слушательницами Высших женских курсов. СПб.: тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1911.
32. Пушкинский Дом: материалы к истории, 1905—2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.
33. Руководители и сотрудники Библиотеки РАН XVIII—XIX вв. СПб.: BODlib, 2006.
34. С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. 1878—1903: очерки и материалы. [СПб.]: Комитет О-ва для доставления средств Высшим Женским курсам в С.-Петербурге, 1903.

35. С.-Петербургские высшие женские курсы за... СПб., 1879—1916.
36. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878—1918 гг.): сб. статей / под общ. ред. проф. С. Н. Валка [и др.]. Л.: ЛГУ, 1965.
37. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, 1878—1918: сб. статей / под общ. ред. проф. С. Н. Валка [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Л.: ЛГУ, 1973.
38. Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе к 1 января 1911 года. СПб.: тип. В. Д. Смирнова, 1911.
39. *Трифонов Н.* Семинарии Пиксанова // Вопросы литературы. 1979. № 5.
40. *Шляпкин И.еА.* Для немногих: автобиографическая заметка. СПб.: тип. Мартынова, [1907].